

Олег Никитин
ПУТЕШЕСТВИЯ
НИКЛАСА

Олег Викторович Никитин

Путешествия Никласа

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=187972

Аннотация

Это детективная книжка, полная наукообразных слов. Порой смешная, намного чаще грустная и почти всюду «заумная». Она сложнее, чем романы Вернора Винджа, которыми я вдохновлялся при ее написании, а сюжет вышел очень далеким от теперешних реалий. Итак, события происходят через несколько миллионов лет после наших дней, а значит, человек превратился в совершенно отличное от нас существо. Он может не только свободно менять форму (вплоть до звезды) и жить практически вечно, но и мгновенно путешествовать от одного «края» Вселенной до другого. Однако осталась непознанной другая Вселенная, параллельная нашей – и кажется, она тоже кем-то населена. Вот один из пытливых обитателей этого мира, которому мало повезло в личной жизни, и решил выяснить, как туда проникнуть и что из этого можно извлечь для собственной пользы.

Автор

Содержание

Экспансия	4
Приглашение, или свадьба Никласа	7
Негэнтроп	21
Эротический опыт	23
Рождение «Хаоса»	28
Семья в сборе	31
Биоформы за работой	49
Биоформа шалит	51
Посылка с «Ежами»	57
Ответ негэнтропа	59
Деловой энтроп	62
Денис-4, гелиодезист	64
Дом готов	69
Наташа-221	72
Два телескопа	86
Отчет Жана-6 о племяннике	88
Биоформы в кратере	98
Великий Смит	100
Новое назначение энтропа	105
Добрый Петров	107
Косные ученые	113
Биоформы и заброшенная Бета	118
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Олег Никитин

Путешествия Никласа

Тем, кого не пугает звездное небо

Экспансия

4/76. Еще полчаса, и закончится самая утомительная и бестолковая часть путешествия. Как обычно, когда место назначения заранее неизвестно, приходится двигаться к нему в четыре приема. Первые три целиком определяются бортовой программой жилой станции модели «Пионер», а значит, мне остается только фиксировать «этапы пути» в личном мнемографе.

Сначала, разумеется, от Центра, где я получил вид на экспансию, к спиральной галактике NGC 69307-3. Незаселенных отыскалось всего несколько сотен тысяч... Мне, конечно, предоставили ту, что поближе к моей родине, хоть я об этом и не просил.

Программа дырокола забрасывает «Пионер» в один из разреженных рукавов – естественно, как можно дальше от центра галактики. Тут уже я волен выбирать звезду по своему усмотрению, лишь бы дыроколу хватило антиматерии. А значит – сверяюсь с индикатором топлива, – я ограничен

радиусом в две десятых парсека. Выбор невелик: белый карлик, нейтронная звезда, бродячая черная дыра, голубой гигант, восемь «обычных» звезд. Экспресс-анализ показывает, что область богата металлами. Это хорошо, что много массивных звезд – они стабилизируют обстановку, не давая метаться «без прикола» газу и холодным туманностям.

И что, больше ничего не предвидится? Что ж, придется жить под белым карликом. У него три планеты, как будто специально рожденные для меня... Подозреваю, гелиодезисты заранее просчитали, куда отправить станцию.

У моей новой звезды три планеты. Одна слишком близко к карлику, другая великовата и не имеет выраженной твердой поверхности... А вот та, что посередине – в самый раз. Еще один импульс дырокола, и «Пионер» уже на ее орбите. Пора установить местное время: хронометр станции выудил из моего мозга записанный в Центре импульс и перевел мнимое время в реальное. Теперь моя система синхронизована с Центром, здесь потекло принятое во Вселенной время. А значит, можно считать экспансию состоявшейся.

Через внутренние камеры вижу на мониторах, как запускаются гироскопы ориентации и тормозные двигатели. Скорость – двенадцать километров в секунду, вход в атмосферу пологий, чтобы оценить качество планеты. Да уж, каменная пустыня как она есть. Мелкие горки, обширные плато и разломы неизвестной пока глубины. Температура ночной стороны около ста Кельвинов, дневная немного теплее, на эк-

ваторе доходит до двухсот. Не полагаясь на меня, программа отстреливает от станции микрозонды, один за другим. За полный оборот их наберется двести сорок штук. Пусть ползают по планете, собирают информацию, тем более мне это ничего не будет стоить, а гелиодезисты из Центра порадуются.

Время от времени включаются двигатели коррекции, чтобы сдвинуть орбиту «Пионера» в сторону – надо осмотреть не только экваториальные области, но и полярные. Когда станция находится уже на высоте сто километров, планетный сканер обнаруживает достаточно плоскую равнину из ледяной криомагмы. Я не возражаю против посадки, и тормозной импульс переводит станцию в режим вертикального спуска.

Наконец-то я смогу начать новую жизнь в своем новом доме, не связанный никем и ничем.

Приглашение, или свадьба Никласа

8/219. Никлас получил приглашение от матери в не самый подходящий момент. Неподходящий потому, что неделю назад к нему обратилась с запросом Демографическая Комиссия. А точнее, один из трех тысяч ее самых старых сопредседателей, Петров DFS-0976 Иан-1.

Ассоциация 1

– Дело деликатное... Оплата приоритетом в классе «инфо» и антинейтронами. Вы как специалист по клановой истории сектора 7Н Галактики NGC 69307-1 имеете доступ к закрытой информации, общаетесь с главами кланов. Пришла пора обновлять каталог биоформ, а многие семьи в последние годы записывают в категорию детей совсем уж механических... малышей. В результате льготы на объем исследований увеличиваются настолько, что Гелиодезическая Комиссия уже бьет тревогу. Ну, вы знаете этих типов, помешанных на тотальной классификации Вселенной...

«А ты помешан на классификации жизни в этой Вселенной», – мысленно возразил Никлас.

– Мы тоже в итоге страдаем от их запросов, – продолжал Иан-1. – Полагаю, вам под силу убедить эти семьи не усыновлять (или удочерять) некоторые из своих... э... поделок.

Тогда бы мы смогли законно определить их в биоформы и выпустить достаточно полный каталог. Авторские права на дизайн и так далее... Только сообщите нам, к каким категориям информации вы бы хотели иметь расширенный доступ.

К письму прилагался список «строптивых» кланов с указанием их ответвлений и полных адресов. Поскольку Никлас занимался семейной историей сектора 7Н, вся генеалогия и так хранилась у него в постоянной памяти. Но список он распечатал, чтобы просто подумать над ним, не отвлекаясь на блокировку модуля ассоциативных связей. У Никласа как профессионального историка этот модуль был особенно силен. Порой казалось, что он работает всегда, даже будучи отключенным от общей цепи питания.

Конец Ассоциации 1

Письмо матери пришло по семейному каналу связи. На диске не значилось, что послание личное, поэтому Никлас вызвал по внутренней связи жену, Ирину-66, урожденную Макарову NGC-7455.

Она находилась на противоположном краю планеты, где сейчас был день, и отлаживала генератор сейсмической активности. «Неудивительно, что с вечера трясет», – с нежностью подумал Никлас. Ирина соорудила свою лабораторию на обломке древней плиты, твердо стоящем на месте последние семьсот миллионов лет, зато остальная планетная кора под ее чуткими руками так и ходила ходуном. Железное ядро Галилеи, кажется, тоже тряслось вместе с магмой, точно

слива в апельсиновом желе.

– Ты можешь прерваться? – спросил ее Никлас.

– Минутку... – Жена подняла пальчик. – У меня фаза усиления. От датчиков на экваторе приходят интересные сигналы...

– Развалишь нам планету.

– Соберем, – отмахнулась она и подкрутила еще несколько верньеров. – Зато, если повезет, получится любопытный узор коры. На прошлом конкурсе Светкин был признан самым красивым, помнишь?

– Конечно, конечно...

Когда она работала с плитами, то всегда надевала свой любимый экзоскостюм с десятком щупальцев – они росли у нее из спины, не мешая оперировать родными руками, и слушались прямых команд мозга. Правда, в основном ее тонкие руки, не будучи слишком полезными, теребили челку, разминали нос, потирали щеки или просто хватались за голову, когда кора начинала вести себя неправильно. Даже сквозь силовую ткань, изъеденную песчаными бурями, при воображении можно было увидеть ее немного архаичное, но привлекательное тело с четырьмя самыми необходимыми конечностями и одной головой. Ирина, даже выйдя замуж за Антонова NDG-08873 Никласа-14 (в те годы он еще не был девятым), сохранила традиции своего бывшего клана и лишь незначительно изменила физиологию тела, избавившись от аллергии на кварцевый песок. Но Никласу она нравилась

именно такой, неуклюжей и двуглазой.

– Все, пошел резонанс! – обрадовалась Ирина. Она повернулась к мужу и мысленной командой растегнула экзоткань, осыпавшуюся к ее ногам стальной стружкой. Щупальца повозились, сбрасывая остаточные напряжения в суставах, и замерли на полу. – Я им еще покажу! Уверена, на этот раз у меня все получится. У Светки планета моложе в два раза, она куда более текучая и плиты легко поддаются воздействию... К вечеру будет готов прогноз материковых узоров на миллиард лет вперед.

– То есть к утру? – улыбнулся Никлас.

– Отругай меня Королёв! У нас ночь, что ли?

– Хочешь, буду у тебя? Погуляем по барханам, послушаем письмо от матери.

– Нет, тут пыльная буря. – Жена поморщилась, смешно сдвинув губы к носу. – Давай на Земле.

За долгие годы совместной с Никласом жизни черты ее родового лица постоянно менялись, подстраиваясь под его текущий вкус. Но в них всегда можно было увидеть, пусть не в оптическом диапазоне, нечто присущее урожденной Макаровой NGC-7455 Ирине-242, и только ей одной.

Ассоциация 2

Каждый стандартный год в Центре Вселенной, на трех модельных планетах искусственной звездной системы всегда проводится брачная ярмарка кланов. Вообще-то она действует постоянно, но в июле поток желающих найти себе

пару достигает максимума. В тот год Никласу исполнилось ровно девяносто лет, и он все еще был четырнадцатым. Он вволю постранствовал по родному сектору 8F галактики NDG-08873, навестил не только сотни братьев и сестер, но и поучаствовал в некоторых исследовательских проектах. Особенно ему запомнилось путешествие к отдаленному скоплению квазаров, ведь за него всей группе смелых исследователей отвалили сто граммов антиматерии. Потом он с десятком родственников выбрался на противоположный конец Вселенной (за четыре с лишним гигапарсека), в гости к дружественному клану, и потратил там кучу заработанного у квазаров топлива. Двадцать шесть лет он жил на столичной планете, где бездумно развлекался с прочими молодыми людьми и девушками, не забыв нарастить при этом постоянную память (по совету отца, который в молодости также пользовался государственными хранилищами информации). Он дважды менял пол, с мужского на женский и обратно, потому что среди столичных жителей не было принято постоянно эксплуатировать одну и ту же схему эротического возбуждения. Так что в юные годы Никлас успел позаниматься всем тем, что входит в набор любого молодого человека.

Но всерьез менять свой геном он не собирался, поэтому к девяностолетию вернул себе данное ему при рождении и прибыл на кислородную планету Центра. Она была создана государством сугубо для заключения брачных контрактов.

Жизнь тут не особенно бурлила: возле общественного мульти-дырокола суетились киберы с напитками и сухариками, зазывно сверкали огоньками туристические автоматы и звучал полный спектр электромагнитного диапазона частот, забитый рекламой. А в целом вокзал, конечно, был пуст и ухожен – все-таки он не предназначался для флирта. К тому же брачный сезон давно подошел к концу, и основные его участники успели разлететься по Вселенной.

Никлас выбрал автомат, предлагавший привычные для него с детства сухие ландшафты. Тот стоял в песочной яме, между трех красно-бурых скал, и шумел в коротковолновом диапазоне словно ветер в пустыне. К тому же вокруг него вертелся виртуальный песчаный смерч, нимало не похожий на настоящий.

– Подделка, – хмыкнул Никлас и отключил спецэффекты мысленным сигналом.

– А у меня, думаете, лучше? – услышал он голос из-за скалы.

Заинтересовавшись, молодой человек высунул голову и половину тела из силового кокона, в котором стоял его автомат, и попал в ужасную водную феерию. Между голубых торосов, гладких будто пластик, торчал раструб фонтана, из которого во все стороны густо летели капли. Никласа захлестнуло ими, и он в ужасе попытался закрыть голову руками. В итоге же попросту вывалился в мокрый ландшафт с ядовитым сине-зеленым небом и глубокой круглой лужей.

Скатившись по влажному пандусу, он плюхнулся в водоем и пошел ко дну. Легкие тут же прекратили работу, чтобы не закачиваться водой вместо воздуха.

Но как выбраться наружу, Никлас понять не мог – стены были совершенно гладкими, и пальцы бесполезно скользили по ним. Он уже совсем смирился с тем, что придется полежать на дне с замедленным метаболизмом, пока кто-нибудь не вынет его, как в ушах родились тугие, словно сама вода, акустические колебания:

– И что, так и будем под водой сидеть?

Средства, чтобы ответить таким же образом, у Никласа не было, поэтому он банально промолчал. Он уже совсем было собрался подать команду на приостановку функционирования тела, как сверху к нему опустилась быстрая фигура в ореоле текучих волос и ухватила его за ветряные антенны на макушке.

Никлас помог ей руками и ногами и через несколько секунд очутился на поверхности, отплевываясь и шумно дыша.

– Тут лесенка...

С помощью поручней на боку ямы они выбрались на густую зеленую траву между бассейном и автоматом, и Никлас упал на спину (чтобы скорее просушить чувствительный к воде живот). Он был безумно рад, что не пролежал на дне несколько часов или даже суток.

– Спасибо, – проговорил Никлас и открыл глаза.

Над ним стояло странное существо с двумя руками и с

двумя же ногами, но переменной толщины – кверху оно расширялось, потом опять сужалось... На просвет спаситель походил на пару эллиптических функций Якоби. По каталогу жизни, вшитому в память, Никлас определил, что это архаичная женская форма тела. Видеть таких редких особей вблизи ему еще не доводилось.

– Послушайте, у вас шесть конечностей, а плавать не умеете! – воскликнула она и склонилась над «утопленником».

– На моей родной планете нет воды, – обиделся он. – А шесть потому, что так удобнее противостоять песчаным бурям.

– И где тут буря?

– Не нравится – не смотрите. Мне, может быть, тоже странно видеть такую древнюю форму, как ваша, но я же молчу. Вот, например, разве удобно иметь такое мелкое ротовое отверстие и внешние уши? А эти ваши выступы на груди резко снижают аэродинамические качества туловища. Ступни ног слишком маленькие, они будут вязнуть в песке, пальцы слишком короткие и без когтей, к тому же с перепонками, что повышает общую парусность... Разрезы на шее будут быстро забиваться пылью, придется вечно чистить их. Центр тяжести тела сильно смещен вверх, поэтому при первом же порыве зимнего ветра вас оторвет от земли и унесет в небеса.

– А вы вообще сплошное недоразумение! Весь какой-то плоский, шестиногий и трехглазый. А что это за глупые про-

волочки на голове? Я уж боялась, что они оторвутся. И к тому же у вас редуцированы половые органы, что вообще смешно.

– Нисколько не смешно. У меня всякие бывали, сейчас вот скрытые.

В этот момент в зоне туристического автомата возник еще один человек, круглый и какой-то булькающий, словно котел с кипящей водой. «Пузырь» просканировал обстановку, на мгновение задержавшись чувствительными мембранами на женщине, и надолго замер при виде Никласа. Тот содрогнулся, представив, как человек лопается, и из него прямо на голову Никласа изливается целая тонна воды. Нет, надо поскорее делать отсюда ноги! Не дожидаясь полной просушки живота, он вскочил, и от этого движения воздух вокруг него закрутился в короткий турбулентный вихрь, принеся с собой целое облако феромонов. Архаичная незнакомка пахла так, что у Никласа подкосились ноги.

– Примите мое имя, пожалуйста, – не своим голосом сказал он и сбросил в ее память последовательность «Антонов NDG-08873 Никлас-14». Потом собрал силы в сочленения и ретировался за силовой барьер, облегченно окунаясь в горячий, сухой воздух ячейки «своего» автомата.

Скоро он уже воспользовался локальным дыроколом и поселился в пирамиде посреди пустыни. Никлас был, разумеется, бойким парнем и за месяц успел погулять по барханам с множеством девушек – одноглазых и трехногих, длинно-

руких и большеголовых, с крупными половыми органами и без них вовсе, звонкоголосых и шелестящих словно песок под когтем, белых и крапчатых... И постоянно вспоминал, как на мгновение потерял сознание, вдохнув запах «водной» незнакомки. Это было как наваждение, ему всюду чудился этот неповторимый набор органических молекул. Никлас даже пытался воспроизвести его, загрузив программу анализа собственной памяти в блок химического синтеза. Конечно, ничего дельного не получилось.

Она не стерла его «прощальный» сигнал – спустя всего полгода он получил от главы ее клана брачный контракт. К этому времени Никлас детально изучил физиологию архаичной человеческой формы, с которой столкнулся в бассейне. Он просмотрел множество стереофильмов с участием таких женщин, и ознакомился с произведениями искусства, воспевавшими их. Никлас заключил, что формы незнакомки, пожалуй, совершенны для той среды, в которой она обитает. И он был готов на то, чтобы пожертвовать структурой и «пустынным» метаболизмом собственного тела ради нее. Наверное, на его выборе сказался обычный юношеский максимализм и стремление отличаться от родителей. Он был молод, горяч и склонен принимать быстрые решения, идущие вразрез с мнением родителей и других старших членов клана. Но никто, естественно, и не подумал осудить юного жениха. Кому это нужно?

Конец Ассоциации 2

Никлас прошел в восточный блок дома, где располагался транспортный узел, и настроил дырокол на местную координатную сетку. В памяти устройства хранилось три стационарных точки на поверхности Галилеи, и одна из них находилась точно в месте пересечения меридианов, на южном полюсе.

Гравитационный коллапс за микросекунду сжал тело в сингулярность, переместил его в 6-мерный континуум и перебросил по назначению, где обратная процедура свёртки «восстановила» Никласа до прежнего вида (попросту спроецировала на три обычных измерения). Искажения пространства от белой дыры поглотились стенками камеры, и Никлас вышел под навес.

Южный полюс Галилеи, по представлению хозяина планеты, был не так привлекателен, как экваториальные области, но Ирине тут нравилось. Среднегодовая температура здесь колебалась около трехсот Кельвинов, и в период увлечения растительными организмами, пару тысяч лет назад, Ирина развела тут настоящий живой парк. Она смонтировала под землей фабрику по производству воды и залила ей многие квадратные метры искусственных впадин. С помощью Тани-74 (знатока геофизики) она воздвигла вокруг своей экосистемы кольцевой горный хребет, и за сотни лет на его вершинах образовался тонкий слой снега. Вода-то испарялась, и ветер нес ее на скалы... Здесь не было только растений, которые размножались бы с помощью насекомых.

День и ночь автоматические линии выдавали тонны питательных веществ, закачивая их в водные артерии.

– Земля... – Никлас поморщился, вдохнув слишком насыщенный кислородом воздух. У него моментально закружилась голова, и программа биоконтроля поставила в ноздрах кислородные фильтры, убрав пылевые. Дыхательная смесь на полюсе была предельно чистой, не считая безвредных смол и эфиров, источаемых деревьями и кустарниками.

Кабинка дырокола звякнула, выпуская Ирину.

– Пойдем? – Она взяла мужа под руку, стесняя его движения, но он не возразил.

– Может, лучше покатаемся? Дорожки пока позволяют...

– Нет уж, кататься сам будешь. Да, давно я тут не бывала...

Гляди, вьюн ползет нам наперерез!

– У растений нет глаз.

– Правда?

Ирина в сомнении потрогала босой ногой листья. Она всегда освобождала постоянную память, когда увлекалась чем-то новым – вот и ботанике не повезло, сгнула на свалке старых чипов. Если когда-нибудь жена решит, что пора привести Землю в порядок или вовсе сровнять ее с песком, она извлечет из компьютера нужную информацию и перекачает ее в мозг. Никлас, напротив, предпочитал знать многие вещи постоянно, хоть и редко ими пользовался (как сейчас, например, когда «блеснул» глазами растений).

Сейчас тут было лето, и солнечные лучи, косо падавшие

на парк, рождали резкие тени и сумрак под кронами. Где-то слева шелестел по галечному дну ручей.

– Я включу запись письма?

– Ах, письмо! – очнулась жена. – Прости, я как-то забыла. Все еще плиты в голове сдвигаются. От кого-то из детей?

– От моей матери.

– Ты уверен, что мне это будет интересно?

Никлас достал из кармашка комбинезона виртуальную клавиатуру, попросту ви-кей, и настроил ее на воспроизведение записи. Голограмма матери возникла на расстоянии в пять метров перед ними – Аманда-7 сидела на высоком круглом кресле, на фоне красных скал и песчаного водопада. От искусственного потока поднималась густая пыль, замутившая низкое оранжевое солнце ее домашней планеты. Из-за того, что Никлас продолжал неспешно шагать, голограмма вздрагивала, но аудиоканал работал стабильно.

– Здравствуй, мой дорогой ребенок, – сказала Аманда с довольной улыбкой. – Если твой супруг, супруга или ваши дети видят меня, то им я также желаю всего питательного. – Она подняла лицо к ветру, чтобы насыщенный пылью воздух попадал в брюшную щель, неся энергию организму. Видно, Аманда отказалась от диетического ультрафиолетового питания, поборницей которого была еще лет сто назад. – У нас с отцом намечено торжественное прощание с кланом, и я приглашаю всю вашу ветвь навестить наш дом в полдень 8/223.

– Как? – воскликнул Никлас, забыв о том, что мать не слы-

шит и не видит его.

– Чудесно! – обрадовалась Ирина. – Мудрые люди твои родители.

– Пожалуй...

Голограмма схлопнулась, оставив после себя ощущение того, что на парк надвигается песчаная буря. Но листья по-прежнему свежо шелестели, а ручей в кустах перетекал с камня на камень.

– Все-таки это слишком, – заметил Никлас. – Глава клана еще жив и только год назад, судя по реестру Демографической Комиссии, произвел очередного потомка... А моим всего по девятнадцать с чем-то тысяч лет, и вот! Не ожидал.

– Как бы то ни было, мы должны приехать к ним в их последний день, – деловито сказала жена. – Пожалуйста, оповести детей. Они могут захотеть проститься с бабушкой. Может, и мы своих потомков увидим...

– Обязательно. Среди них есть немало Аманд и Егоров, они захотят покрасоваться перед родичами.

Негэнтроп

4/78. Первые же будничные дела вытеснили из головы всякий переселенческий пафос. Временная станция непригодна как постоянное жилье – сидеть в ней в качестве составной части, кем-то вроде инспектора бортовых систем, донельзя скучно.

Негэнтроп модели «Нептун» (по-моему, самая дешевая на рынке разумных биоформ, обошлась мне всего в два миллиграмма антинейтронов) обустривает стационарный дом, заглубленный на десять метров в криомагму. Не собираюсь ему мешать. Проект, естественно, выбирал я сам, хотя и ограничился стандартным набором блоков. Все очень компактно и с минимальным перепадом высот. Лишь лаборатория у меня в два раза больше, чем якобы необходимо для получения и анализа данных. Тип из Гелиодезической Комиссии, подписавший мне вид на экспансию в NGC 69307-3, удивился, зачем мне нужен такой громоздкий усилитель к генератору гравитационного поля, если я не собираюсь лепить нейтронную звезду. Мол, где мое разрешение на опасные эксперименты с веществом... Пришлось показать старику кассету со своими трудами по сверхдальней переброске материи в «Вестнике единой Вселенной», сразу сник.

Пока негэнтроп вторые сутки возится с форматормом, «выплавляя» из грунта нужные для дома детали, я занимаюсь

спутником под странным названием «Зеница-88». «Пионер» при посадке отстрелил его, чтобы он болтался на орбите и собирал самую простую информацию обо всем на свете. Но сам по себе этот сателлит туп, нужно закачать в него программу. Я проглядел список вещей, которые интересны моим «сюзеренам» из Комиссии – все как обычно, от снимков звезды до сбора микрометеоритов. Хорошо, что эта орбитальная «Зеница» совсем не потребует моего внимания, она способна сама себя ремонтировать.

Эротический опыт

8/220. Планировать посещение кого-либо из списка Комиссии было глупо – хорошо еще, что Никлас не успел договориться ни с кем из «подозреваемых» кланов. На второй же день по получении письма от матери он скопировал его и размножил в количестве 376 экземпляров. Пришлось открывать новую упаковку с «кормом» для форматора, чтобы изготовить такое количество кассет. Запись собственного комментария к письму также отняла время. Отправив наконец последнее послание своему 376-му ребенку, урожденной Антоновой NDG-09973 Гемме-19, которая сейчас проживала в свободном браке неподалеку от Центра, он приложил ладонь третьей руки к горячему боку почтового дырокола и чуть не ошпарился.

– Нет, так нельзя работать, – пробормотал Никлас и решил отдохнуть.

Спальный блок, как всегда затененный, встретил его озоновым запахом влаги и цветов: видимо, Ирина еще не проснулась.

Дверь ее комнаты светилась зеленым, и Никлас мягко приоткрыл ее, окунаясь в переливчатую, матово-синюю атмосферу, наполненную шелестом листвы и пузырьков газа в жидкости. Сейчас это сочетание нравилось ему уже не меньше, чем завывание ветра в голых каменных щелях и шорох

песка. Некоторые, например, не могут без шипения лавы или грохота камнепада... Но вода и листья все же лучше, что бы эти «некоторые» ни думали.

Ирина плавала в горячем глицериновом бассейне, лежа на спине с закрытыми глазами. Никлас пробежал по диапазону восприятия, и на ультракоротких волнах наткнулся на медленную медитативную музыку. Резонансное излучение ее мозга также было задействовано, и Никлас активировал собственные нейроны, вклиниваясь в музыку Ирининога разума. Она пошевелилась и вытянула все четыре конечности, с колыханием концентрических волн уходя в глубину. Жабры ее заработали с изящной грацией, испуская пульсирующее люминесцентное сияние, через тысячи пор в ее коже к поверхности протянулись серебристые струйки микроскопических пузырьков углекислого газа. Их уже подсвечивали лазерные прожекторы, установленные по периметру бассейна, и цвет их медленно менялся вдоль всего видимого спектра.

Ирина-66 была прекрасна в своем глубинном танце неподвижности, и по коже Никласа прокатился импульс возбуждения – ответ на резонансный сигнал от жены. Он лег на гравитационную линзу, медленно пульсирующую над бассейном, и позволил линиям поля связать себя с женой. Эрогенные зоны, сплошь рассеянные по его коже, подались под согласованными потоками гравитонов, мозг наполнился возбуждающей смесью звуковых, световых и обонятельных им-

пульсов. Их интенсивность мягко нарастала с каждой пульсацией поля, конечности будто погрузились в переменное электромагнитное поле, разогнавшее кровь до шума в улитковых нервах. Внезапно частоты всех полей изменились, сбросив возбуждение до половинного уровня, в радиодиапазоне зазвучала тихая мелодия. Колебания гравитационного поля опять робко нащупали чувствительные точки на теле Никласа, словно не решаясь связать их с плывущей где-то в пространстве Ириной. Царапающими толчками включились информационные потоки между ними, настраивая на резонансное возбуждение коры мозга. Эротическая программа выходила на заключительную фазу. Никлас погрузился в буйство полей, его растягивало и сжимало гравитацией, словно нейтронную звезду, и ни одно из нервных окончаний не осталось без толики внимания. Через геологическое время его притянуло к жене, как наблюдателя к черной дыре, и последний электромагнитный разряд перетряхнул его нервную систему до самого последнего аксона, чуть не расплавив эротический сектор мозга.

Силовая линза растеклась по бассейну, а вслед за ней и Никлас, обездвиженный, слился с морем газовых пузырьков. Ирина всплыла и коснулась мужа, и глицерин под ними тотчас вскипел, распадаясь на водяной пар и углекислый газ.

– Ты гений сексуального программирования. – Никлас притянул к себе улыбающуюся с закрытыми глазами Ирину и провел языком по ее груди и шее.

– Мы вместе... Это симфония для двоих.

Через десять минут, вволю покувыркавшись в бассейне, они вернулись в привычный мир трех измерений, со стабильным вектором тяготения. Никлас надумал отдохнуть час-другой и подкинуть организму пару мегаджоулей, а Ирина стала собираться к своей установке. Она поела во сне, переключившись на растительный цикл питания.

– Удалось получить нетривиальный узор, Иришка?

– Не совсем, – нахмурилась жена. – Через полмиллиарда лет упала вязкость мантии, Белл ее заморозь, и движение континентов резко замедлилось. Береговые фракталы получились какие-то банальные, будто ученические. Сегодня попробую заложить в уравнения переменную вязкость и заново просчитать тектонику.

– Любопытно, – задумался Никлас. – Но ведь в исходной программе наверняка учтен фактор остывания планеты. Разработчик не мог упустить этот момент.

– Он-то не упустил!.. Там есть еще два параметра – класс и возраст звезды. Ее температура серьезно влияет на Галилею.

Никлас еще раз обнял жену и ощутил, как остаточное возбуждение растекается по ней последними всполохами электромагнетизма. Между ними проскочило с десятков микро-молний, и этот полевой всплеск стал кодой их сегодняшнего слияния.

– А ты не хочешь сделать все параметры постоянными?

– Нет уж! – Она лукаво сверкнула глазами. – Иначе у Свет-

ки будет повод указать на простоту моей модели. А я хочу победить ее безоговорочно.

Рождение «Хаоса»

4/86. Подумал и решил назвать свою планету Бетой. Банально, конечно, но перед кем тут оригинальничать? Остальные две пусть будут Альфой и Омегой. Команда роботов-«Сито» ползает по Бете, то и дело тормозя для отбора проб. Параллельно с роботами трудится спутник, «Зеница-88», это он командует всей оравой ползучих «Сито» и собирает от них данные, чтобы причесать их и скинуть на мою станцию для автоматического (или «ручного») анализа. Собственно, если бы у меня был нормальный дом, который я мог обживать, то заниматься такой чепухой, как просмотр информации со спутника, я бы не стал. Хватало бы и других забот – например, обустройства лаборатории или жилого блока. Но мой негэнтроп почему-то не спешит особо нагружать форматор.

– Необходимо ускорить постройку дома, – сказал я ему вчера, когда он завалился на «Пионер», чтобы подзарядиться от солнечного аккумулятора. Уж и не знаю, почему эта модель лишена простого термоядерного двигателя. Может быть, разработчики испугались почти полной автономности «Нептуна»?

– Тяп-ляп? – загадочно буркнул он.

Мне показалось, он тяготеет тем, что не умеет работать без подзарядки. Хотя откуда у «Нептуна» могут появиться

такие эмоции? Это шагающий параллелепипед с десятком манипуляторов, датчиками по всему «телу», антенной на макушке и акустической насадкой, чтобы обмениваться звуковыми данными с хозяином, особенно слушать его ругательства. Ведь костерить робота удобнее всего с помощью голосовых связок, радиообмен совсем не дает такого успокоительного эффекта, как ругань во все горло. Да, удобно придумано – уже сам неуклюжий дизайн «Нептуна» настраивает на то, что негэнтроп склонен к ошибкам.

– Скажи-ка, с чего начал строительство?

– С блока поддержки систем.

Конечно, самый сложный блок принято возводить вначале, с этим я согласен...

– Мне нужен помощник, – заявил час назад этот трудяга. – Я не справляюсь. В спецификации форматора он под 490678-м номером.

– И кто это? – насторожился я.

– Энтроп модели «Хаос». Он способен вносить элементы беспорядка в природную среду. Мне это делать трудно ввиду другой конструкции и программных ограничений на виды деятельности.

– Робот родит робота, что ли? – Не нравилось мне его предложение, и все тут. Но я ни разу не занимался постройкой дома на такой непригодной для этого планете, поэтому допускал, что негэнтроп прав в своих притязаниях. – Зачем он тебе?

– Дробить и распылять крепкие породы камня, – терпеливо объяснил «Нептун». – У меня слишком хрупкие манипуляторы, чтобы самостоятельно заниматься этим видом деятельности. Дело пойдет намного быстрее, хозяин.

Надо бы покопаться в его настройках, а то уж очень странно он выражается. Аргумент со скоростью возведения дома меня сразил, и негэнтроп радостно кинулся наружу, к форматору, намереваясь первым делом создать себе коллегу.

Семья в сборе

8/223. Клан Антоновых занимал небольшое скопление звезд в секторе 8F NDG-08873. Может быть, не самых редких и красивых – например, клан не арендовал ни одного пульсара, а природная черная дыра у него имелась всего одна, – зато спокойных и уютных.

Сверхновая рождалась в секторе уже целых сорок тысяч лет назад, и тогда на это представление съехалась чуть ли не половина галактики. Гелиодезическая Комиссия выделила туристам ближайшего к сверхновой белого карлика, и пространство рядом с ним так и кишело времянками. Конечно, они тут же сгнули в пламени, едва волна взрыва накрыла их... Особые ценители таких катастроф годами кочевали потом перед волной разрушения, раз за разом переживая восторг от встречи с мощной волной излучения. Нашлись и такие романтики, которые покончили с собой, отключив автоматику орбитальных домиков. «Я поглотил два антинейтрино!» – хвастался потом один из самых ярких туристов в познавательном фильме, снятом по итогам взрыва звезды, и демонстрировал пленки со столкновением частицы и какого-то своего протона (вроде бы в селезенке).

Ирина с Никласом прибыли в звездную систему родителей ровно в полдень по времени Центра.

– Наверное, все испугались затора, – удивилась жена, ко-

гда дырокол, загнав пробный пакет атомов по адресу, не предложил им подождать, а сразу загудел генератором гравитационного поля, чтобы свернуть путешественников в сингулярность.

– Или они поставили мульти-дырокол, – сказал Никлас.

Такие устройства повсеместно применялись в многолюдном Центре, иначе людям там пришлось бы часами ожидать своей очереди на транспортировку. Никласу такой способ не нравился, он привык с комфортом восстанавливаться в индивидуальной ячейке.

Он оказался прав, по случаю массового наплыва потомков Аманда-7 и Егор-5 взяли напрокат приемную камеру с распылителем белых дыр. Родственники вылетали из центральной зоны в форме сгустков поля, в течение секунды восстанавливаясь в размерах, но уже на расстоянии десяти метров от приемника. Тут их полет мягко гасился, и непрерывный конвейер поднимал гостей на поверхность планеты. Неприятности избежать не удалось – некий крабовидный господин в блестящем металлическом костюме царапнул Ирину клешней. Но тут же извинился и полез к ней на конвейер знакомиться, скрипя в длинноволновом диапазоне:

– Геннадий-124, поколение 46...

– Ирина-66, 7-бис поколение, – холодно ответила жена.

Крабовидный отшатнулся, вскинув клешни к голове, и пятясь исчез за красной скалой. Цветом она была обязана не столько особым свойствам камня, сколько звезды, арендо-

ванной патриархами клана – это был красный гигант в эпоху своей мощи, зрелый и вполне горячий.

– Ты для него слишком опытная, – ухмыльнулся Никлас, беря ее под руку.

Оба недели многослойные силовые поля, перемежающиеся разноцветными газовыми и жидкими смесями – тут был и мерцающий закатным светом оранжево-алый, и натриево-желтый... Грудь Ирины полыхала сиреневым словно атомы марганца в пламени горелки, а по поясу ее бегали искры, в нем ежесекундно вспыхивали змейки белых разрядов. Они препятствовали сканированию ее тела в электромагнитном диапазоне. Никлас выглядел строже, предпочтя холодную гамму, но такую же текучую, как грозовое облако, и набрякшую электричеством.

– Пожалуй, мы слегка отстали от моды... – проговорила Ирина, выбрав для передачи своего сообщения модулированный поток гравитонов.

Никлас ничего не ответил, занятый не нарядами многих сотен родственников, а ландшафтом. Тут была его родина, именно тут он родился в семейном автоклаве больше восьми тысяч лет назад. Конечно, он хорошо помнил Нуклеотиду, потому что провел на ней первые двадцать лет жизни, постигая главное о Вселенной и человеке в ней. На выщербленных холмах, в ущельях и рукотворных каньонах он ставил опыты с материей, зажигая собственные маленькие сверхновые и генерируя игрушечные пульсары из «Набора юного создате-

ля». Эту планетную кору он буравил глубинным обитаемым зондом, постигая тайны космических тел, способных обезопасить человека от неприятного космоса. В этого красного гиганта он погружался в жаропрочном силовом коконе, воочию наблюдая термоядерные реакции, без мощи которых в мире стало бы так темно и стыло – какие другие источники тепла и света сравнятся со звездами? Наконец, именно в родительской лаборатории проходил он основы воспроизводства человека и искусства управления собственными генами. Здесь он спроектировал свою первую биоформу, робко поместив в нее только один логический процессор, и здесь же убил ее, когда решил усложнить ей схему. Именно в лаборатории отца Никлас впервые осознал особенности своей среды обитания и нарастил на животе влагоприемник, чтобы подготовиться к путешествию в водные миры.

...Они находились в потоке родственников, двигаясь в направлении колоссального сооружения в форме стелы высотой не меньше километра. А всего таких башен было шесть, они стояли по углам воображаемой соты, в центре которой хозяева планеты и установили мульти-дырокол. Разреженный ветер спиралями гулял на свободных участках почвы, густо-оранжевое небо с искусственной подсветкой куполом сияло на головами гостей, словно истекая из стел и образуя в зените бурлящую воронку. Добавляли фееричности шумные горизонтальные молнии – весь радиодиапазон буквально гремел, затрудняя беседы между приглашенными.

Ирина с Никласом вошли в широкие открытые двери строения и обомлели. Их занесло в переплетение пневматических тоннелей, эстакад, площадок и лифтовых шахт, и все это цветное великолепие непрерывно пульсировало и совершало медленные хаотические движения.

– Святой Хаббл, да весь диапазон забит музыкой! – воскликнула Ирина. – Настройся на двадцать пять килогерц, симпатичная гармоника. И на других частотах... Фу, какофония!

– Каждому свое, – банальностью отозвался Никлас.

Супруги перешли на световой код, потому что в такой обстановке он лучше всего годился для общения и позволял не тревожить соседей по толпе всплесками гравитации или рентгеновского излучения. Глаза, превращенные в чувствительные приемопередатчики оптических сигналов, пришлось выдвинуть к макушке, чтобы не поворачиваться друг к другу лицом при каждой реплике.

Повсюду сновали особой конструкции биоформы, многочисленные и лишённые выраженных голов – так их труднее было спутать с гостями. Они предлагали потомкам именинников разнообразные угощения от сгустка плазмы температурой семь миллионов Кельвинов и сверхтекучего гелия в дырявом ведерке до таблетки празеодима и блюда с пропанолом. Попадались также отличные напитки, например, бозе– и ферми-жидкости, разнообразные коктейли из них. Никлас выбрал двойную колбу с идеальным веселящим газом, а Ирину

чем-то прельстили рогалики из зеркального межгалактического вещества с начинкой из очарованных кварков.

– Глотнешь? – предложил свою колбу Никлас.

Но Ирина отказалась, ее метаболизм плохо соответствовал газообразной пище. Биоформа тактично посоветовала им выдать в эфир на собственной частоте свои имена, если они желают вступить с кем-нибудь в беседу.

– Я никого из наших детей не слышу, – пожаловалась жена, последовав совету.

– Может быть, они в других башнях? Или еще не подъехали? Не огорчайся, праздник только начался. – Никласу уже стало хорошо, веселящий газ оказался качественным и быстро впитался в кровь, разогревая ее не хуже плазменного мороженого (популярного среди гостей угощения).

– Нет, все-таки в наше время не одевались так функционально... – сказала Ирина. Они решили подняться на площадку повыше и втиснулись в лифт, в компанию к двум фигурам вращения на шести ногах и одному столбу на конической пружине. – Погляди на этих молодых людей, нимало не озабоченных эстетикой внешнего вида. Отсюда и разобщенность в кланах, поскольку никто не интересуется собственным п-юродным родственником. Все стремятся к изошренным удовольствиям, не находя их в обмене репликами.

Наверное, ей не понравилось, что из приглашенных только половина или даже меньше сделали доступными для окружающих свои имена. Никлас постарался развеять кри-

тическое настроение жены и указал ей на забавного малыша о трех ногах, который съезжал по вертикальной спирали, мигая всеми глазенками и вереща в акустическом диапазоне. Вообще, народ тут толкся в основном парами, порой попадались тройки и четверки гостей – родители с одним или двумя детьми.

– Ты права, – кивнул Никлас. Они остановились на прозрачном балкончике. Вокруг крутилась искрящаяся звездочками тропа к вершине башни. – Дети слишком рано покидают родные планеты, стремясь повидать чудеса Вселенной и думая наладить собственный, отличный от родительского мир.

– И вы сами повели себя так же, – сказал кто-то насмешливо, сплетя радиоволны в узкий, звонкий интерферируемый пучок.

Оба гостя разом обернулись, отыскивая обладателя свежего голоса, и тут же приняли в объятия свое последнее дитя, юную Антонову NDG-09973 Гемму-19. Девушка насмешливо окинула родителей взглядом и натянула на тело матовый силовой кокон, и вовремя, потому что Ирина уже приготовилась сделать ей замечание. Четыре округлых бугорка на ее груди, тем не менее, остались обнаженными, помаргивая разными цветами – кажется, она использовала их для выражения эмоций. Но Никлас все равно не понимал молодежный сленг Центра, поэтому эти всполохи ничего для него не значили.

– Я уж думала, что придется вас по другим башням выискивать, – сказала Гемма, переходя на световой код. – А то так одиноко...

– Где же твой друг? – нахмурилась Ирина. – Я помню, ты писала, что познакомилась с очень интересным человеком, у которого чуть ли не килограмм антиматерии на счетах Гелиодезической Комиссии. Или ты уже с другим живешь?

– Тот арендовал самую глухую дыру в целой Вселенной... – Гемма как-то нехорошо насупилась и вдруг взвизгнула, заметив призрачный шар, падающий с потолка. Внутри его парил какой-то многорукий человек. – А другой мне уже не нравится. Ух, я тоже так хочу! Полетаем, папа?

– Отчего не полетать?

Они поднялись на восходящем гравитационном потоке к самой вершине, откуда падали шары, и моментально окуклились. Гемма обняла Никласа всеми руками, и они упали в невесомость, любуясь безумным круговоротом красок за пределами силового кокона. Гравитация на Нуклеотиде была понижена по сравнению с той, что запомнилась Никласу, и летели они почти минуту. На дне башни шар растекся невидимой волной.

– Обратно?

– Давай немного прогуляемся, – серьезно ответила Гемма. Она выглядела чем-то озабоченной, и Никлас притянул дочку к себе, взъерошив ее короткие волосы. Расспрашивать ее он не торопился, чувствовал, что она не даром увлекла его в по-

лет. – Ты ведь вроде бы клановой историей занимаешься?

– Да, конечно...

– Работы много?

– Это уже от меня зависит. Ну, почти всегда, – поправился он, вспомнив о задании Петрова DFS-0976. – Приходят иногда запросы из Демографической Комиссии...

– Я покопалась в базах Центра и узнала, что ты специализируешься на секторе 7H NGC 69307-1. Так ведь?

Никлас стал подозревать, что у дочери к нему возник вопрос, в чем-то аналогичный тому, что озаботил демографов Центра. Но неужели какие-то биоформы, которых вечно скрывают от налогообложения, могли ее озаботить? Не такая уж это любопытная для столь молодой девушки проблема, рано ей еще детей заводить и биоформами баловаться. Или... Он прервал бесполезные раздумья – к чему строить предположения, когда можно просто выслушать Гемму?

– Да, через три года под моей редакцией выйдет 9335-е издание «Клановой истории NGC 69307-1 (сектор 7H)», – подтвердил Никлас.

– Я на днях загрузила себе в память 9334-ое! Интересно написано, только как-то бессмысленно... Ты прости, но кому это нужно? Генеалогия, терраформирование, модификация генов! Даже постройкой планетной системы из подручного материала никого не удивишь, сама этим не так давно развлекалась... Все равно ничего нового невозможно придумать, любой набор генов кем-то когда-то испытывался, лю-

бой тип планеты обживался, всюду во Вселенной горят одни и те же звезды и так же точно, как миллиарды лет назад, люди ищут удовольствия.

– Это моя профессия, – удивился Никлас. Для своих со- рока Гемма рассуждала слишком максималистски, будто не понимая, что жажда индивидуального познания мира всегда будет двигать каждым нормальным человеком, пока он молод. Расхожая истина, доказанная математически, что кто-то когда-то непременно имел ту же форму тела и тот же набор генов, что и ты, волнует только философски настроенных стариков, разменявших третий десяток тысяч лет. – Раз- ве бы я занимался этим делом, если бы не любил его? По- верь, во Вселенной множество глобальных историков, кото- рые анализируют миллионы таких трудов, как мой, разра- батывают стратегию экспансии и составляют различные об- зоры... Например, «10000 величайших генетиков от начала времен до наших дней». И мне платят за работу нормальны- ми антинейтронами, а это важно. Зачем ты спрашиваешь? И кстати, откуда у тебя взялась АМ на свою систему, это ведь очень дорого?

– А, тур купила...

Она какое-то время молчала, любуясь игрой света на сте- не пузатой лифтовой шахты. Повсюду носились дети, успеш- шие перезнакомиться, взрослые же проникались атмосфе- рой прощания с патриархами клана, просветленно ожидая апофеоза праздника. Озабоченные биоформы не уставали

предлагать гостям самые экзотические яства. Гемма схватила с подноса стаканчик азотного мороженого, стряхнула силовую оболочку и коснулась лакомства языком, проверяя, достаточно ли низка его температура. От бруска, испаряясь, густо повалила терпкая смесь азота и веселящего газа.

– Помнишь, я пять лет назад писала вам, что познакомилась с одним странным парнем... – сказала она, внимательно глядя на отца. – Ему уже семьсот сорок лет, а он всего два раза был женат. А замуж вообще не ходил, по-моему...

– Да уж, редкий индивидуум.

– Скандально известный в своей области ученый, между прочим. Да, самое главное – четыре года назад он порвал со своим кланом.

– Что? – Никлас непроизвольно встопорщил уши, пораженный, но тотчас смутился и погладил их, прижимая к черепным впадинам. – Не может быть!

– Я точно знаю, он мне сам сказал.

Никлас с трудом верил Гемме – но наверняка у нее были веские основания, чтобы утверждать почти невозможное. В конце концов, в Конституции записано право каждого на основание собственного клана...

– И как его имя?

– Деев NGC 69307-3 Леонид-1.

– Как? – Глаза историка вспыхнули на голове словно протуберанцы. Никлас вторично испытал смущение. Того и гляди, какая-нибудь биоформа подкатит с вопросом, не требу-

ется ли ему охладить нервы ферми-коктейлем... – Но ведь эта галактика не заселена, там нет ни одного клана! Выходит, он поменял среднее имя?

– Да, я тоже удивилась, – моргнула Гемма. – Его клан живет в секторе 7Н галактики NGC 69307-1. Ну, совпадение не самое уникальное, все-таки мы одно время тусовались на одних вечеринках в Центре. А там довольно жесткое разделение по галактикам и даже секторам. Почему, интересно?

– Клановые предрассудки, основанные на здравом расчете, – рассеянно ответил Никлас. Его все еще занимала череда удивительных фактов, сопутствующих неведомому Леониду-1. – Девушка, выходящая замуж, остается неподалеку от своего клана и всегда может рассчитывать на поддержку родственников. А когда в семье происходит обмен полами, можно переехать в соседнюю галактику, арендуемую кланом бывшей жены, чтобы не платить субаренду клану бывшего мужа. Дешевизна удаленного общения, опять же...

– Я примерно так и думала. Так вот, когда он отделился от своего клана и стал основателем нового, арендовал свободную систему подальше от Центра. Получилось недалеко от его родных краев... Так что он поменял себе среднее имя на NGC 69307-3 и заменил суффикс 87 на единицу.

В атмосфере как будто стали сгущаться электрические заряды, тут и там возникли крошечные глобулы плазмы. Они побежали по гладким поверхностям эстакад и мостиков, стенам шахт и перилам лесенок. Апогей торжества явно назре-

вал, поэтому Гемме пришлось сократить предисловие:

– Мне он нравится! Он не такой взбалмошный, как другие мои приятели, но с ним все равно здорово... Все-таки Леонид постарше прочих моих знакомых. Он странный, конечно, но это даже лучше, с таким не скучно прожить даже сотню-другую лет. И он не мешал мне путешествовать и оплачивал всякие глупости без вопросов.

– Мы с твоей матерью вместе уже восемь тысяч лет, – заметил Никлас.

– Жуть! Слушай, не перебивай. Я думаю, ты не откажешься мне помочь, потому что... Ну, не знаю, все-таки речь обо мне, младшей, – она немного кокетливо опустила глаза с макушки на лоб, чтобы не повредить их при входе в шахту. Гравитационное поле подхватило обоих и повлекло ввысь. Мощность звукового наполнения эфира тем временем бледнела, уступая место торжественной тишине. – Я перешлю тебе привязку к его последним координатам и внешний вид. Видишь ли, пятьдесят суток назад я написала ему, и он мне не ответил, я обиделась... Через двадцать дней написала еще, но ответа опять не было. Точнее, пришла странная кассета, вот, погляди. Я сняла копию, так что это тебе. Я сгоряча пыталась сама попасть к нему в дом, но его дырочка заблокирована паролем. А он наверняка есть только у Гелиодезической и Транспортной Комиссий. Сомневаюсь, что Леонид дал его кому-нибудь еще.

Гемма протянула отцу стандартный микродиск с записью.

Наверное, при других условиях он смогла бы сбросить информацию непосредственно в его оперативную память, но сейчас был неподходящий момент: девочка как чувствовала, что потребуется материальный носитель. Засорять радиодиапазон, когда он полон возвышенного молчания, было бы верхом святотатства.

Показалась прозрачная платформа, на которой их спокойно поджидала Ирина. Под ногами жены уже всюду бушевали холодные сгустки плазмы.

– Это рядом с твоим профессиональным сектором, в соседней галактике, – добавила Гемма. – Узнай, в чем тут дело, хорошо? Мне бы не хотелось потерять этого человека... У меня от него отложенная беременность, и сканирование показывает, что ребенок мог бы получиться хорошеньким. Я думаю выбрать его для рождения, когда вернусь к Леониду-1, вот только отделаюсь от последнего приятеля.

– И давно ты его носишь?

– Зародыш? Уже четыре года.

Обещать Никлас, разумеется, ничего не стал, но Гемме этого и не требовалось. Она знала, что как последний ребенок в семье наиболее любима, и отец наверняка приложит серьезные усилия, чтобы помочь ей. А если не сумеет – что ж, тогда подскажет, как быть дальше. Может быть, это опасно? Не станет же она соваться в пустую галактику одна, без надежной привязки к дыроколу-приемнику (а это много недель поисков цели).

– Ты не находишь, что поддерживать связь с изгоем несколько... предосудительно? – осторожно спросил историк.

– Он не изгой, а основатель клана. Ничего позорного в его отделении не было, это я точно знаю. Он мне рассказывал, что сам все подстроил...

Они подошли к Ирине – и вовремя, потому что стены башни стали бледнеть, обретая небесно-желтую прозрачность, а весь диапазон наполнился легкими, как бы воздушными звуками. Под стать им засияли и силовые структуры, наполнявшие объем здания. «Отдать ребенка в клан одиночки? – размышлял между тем Никлас. – Не значит ли это навлечь на себя недовольство Деевых NGC 69307-1, да и всех прочих тоже? Если этот факт получит огласку... Нет, лучше не сейчас, когда на мне висит дело с биоформами». Никлас еще не надумал бросать работу историка, она по-прежнему нравилась ему – как и семь тысяч лет назад, когда он, запросив Демографическую Комиссию о наличии вакантных мест, получил предложение принять к обслуживанию сектор 7Н галактики NGC 69307-1.

Вершины башен медленно соединились между собой, вытянув гибкие световые щупальца, и на их перекрестье возникла гигантская голограмма. Все приглашенные моментально узнали главу клана. Тот поздравил родичей, решивших умереть, и пожелал им удачи в благом замысле.

– Мужественные люди, – просветленно сказала Ирина, ко-

гда изображение патриарха рассеялось в небе. Чтобы не тревожить незнакомых родственников, она выпустила из ушей две узконаправленных акустических антенны.

– И настойчивые! – Гемма поддержала мать. – Всего за девятнадцать тысяч лет смогли познать все аспекты бытия. Великий Зумино, как же глубоко они проникли в его ткань, если рассудили таким решительным образом. Вы не знаете, каким путем предки собираются подарить себя Вселенной?

– Подожди, объявят, – вступил Никлас. – Сейчас в моде очень красивый способ – мгновенное ослабление межатомных связей вдали от жилья, как раз между звездами своего клана. Бывшие частицы тел миллионы лет летят в космосе, пока не осядут на твердых телах или не поглотятся газовыми облаками.

– Прекрасная смерть.

Гемма была права, потому что подарить свое вещество открытому космосу – значит ненамного, на неуловимую долю наносекунды, но все-таки отдалить тепловую смерть мира. Великий долг человека в том, чтобы отдавать материю собственного тела вплоть до последнего мига, до Всеобщего Конца по имени лептонный распад. Пусть до него еще целых 830 миллиардов лет, а мир еще не вышел из «младенческого» возраста... Именно сейчас стоит заботиться о далеких потомках и завещать им свои атомы – ведь из них когда-нибудь родятся новые звезды.

Ролик Гелиодезической Комиссии, прокрученный в моз-

гах Антоновых, закончился торжественной нотой: счастливые Аманда-7 и Егор-5 пожелали родичам богатого и конечного бытия, вознесли хвалу негэнтропии и Хабблу, обнялись, чтобы слиться в единую структуру... Колоссальная голограмма растворилась в небе, и вслед за этим гостям праздника показали стандартный, но всегда волнующий процесс разрушения связей между атомами сцепленных тел именинников. Частицы, еще секунду назад организованные в живую структуру, рассеялись бледнеющим облаком и устремились каждая к своей неведомой цели...

Когда восхищение Антоновых поутихло и они принялись высматривать биоформы с горячительными или охлаждающими жидкостями, трансляторы отыскиали в толпах Аманду-8 и Егора-5.

– Познакомьтесь с этими симпатичными людьми! – вскричал распорядитель праздника, чиновник из Демографической Комиссии, на всех электромагнитных частотах, акустикой и гравитацией. Женщина походила на перекошенную древнюю табуретку, а мужчина напомнил Никласу одну из его последних биоформ, с головой вместо живота. Стоял он на восьми ногах, причем не слишком устойчиво. – Их номера первыми сдвигаются на ступеньку вниз, к истокам вашего рода!

– Я так рада, – скрипнула бывшая Аманда-8, в одночасье ставшая седьмой в веренице тезок. – Я горжусь тем, что ношу теперь имя такого замечательного человека, каким была

Аманда-7.

– И я, – утробно добавил человек-живот. – И я горжусь!

Они закричали от восторга, и все остальные присутствующие подхватили их ликующий крик. «Хорошо, что эти новорожденные не в нашей башне, – подумал Никлас. – А то бы затоптали».

– Папа, а сколько раз тебе доводилось менять суффикс у имени? – спросила Гемма. Ей удалось поймать биоформу, и она ловко выудила из нее кучу разных лакомства вроде ферми-желе с плазменной крошкой и хиггс-бозонами, брикета прессованного зеркального вещества и бензольного пудинга в простом силовом стаканчике.

Историк отнял у нее пудинг и ответил:

– Не так много. Начинал я как Никлас-14.

– А меня при рождении назвали Ириной-73, – сообщила жена. Она раздобыла себе концентрированный коктейль из актиноидов в глубоком золотом бокале и помешивала его языком, заодно пробуя на вкус.

Тут в небе принялись показывать Егора-6, ставшего пятым, и Гемма заскучала:

– Этак еще долго может продолжаться.

– Была бы ты Амандой, скажем, 40-й – терпеливо бы дожидалась своей очереди, а потом прыгала перед транслятором и говорила глупости, – усмехнулась Ирина. – Когда еще показать себя всем родственникам сразу?

– Вот еще! Стану я прыгать...

Биоформы за работой

4/92. Ночью Бета прошла перигелий своей орбиты. Все еще не могу подобрать для своей звезды несистематическое название (систематическое, разумеется, предельно сухо и является просто набором букв и цифр). Зимние температуры на моем плато, согласно измерениям, опускаются до ста тридцати Кельвинов, летние аж на сто Кельвинов выше. Но какая мне разница, не за тем я сюда приехал, чтобы исследовать этот безжизненный кусок камня, бестолково крутящийся тут восемь миллиардов лет. Таких планет во Вселенной – почти столько же, сколько нормальных звезд, то есть... Вот-вот, сотни триллионов.

На 3-мерной проекции Вселенной моя галактика выглядит крошечным крестиком, у нее четыре бледных рукава, и самый удаленный от ближайшего клана – мой «медвежий угол», как сказали бы в древности. И почему «медведей» загоняли в углы?

Энтроп работает как заведенный. Жжет в своей термоядерной топке микрограммы топлива и упоенно распыляет ледяную криомагму. Естественно, делает он это намного быстрее, чем «Нептун» успевает заполнить пустоты элементами конструкций. Не знаю, чем будет заниматься этот оголтелый разрушитель, когда покончит с реализацией проекта удаления «почвы». Я спросил его об этом, когда от скуки гу-

лял по стройке, критически фиксируя недоделки и сбрасывая их на приемный канал связи «Нептуна».

– А чего? – набычился энтроп, недовольно притормозив. Его оптические датчики охряно сверкнули, будто излучив избыток внутренней энергии. – Проект не завершен, хозяин.

– Меня зовут Леонид, а не «хозяин».

– Понял, хозяин Леонид, уже записал в память.

– Почему ты трудишься с такой огромной скоростью? Неужели тебе не требуется подзарядка протеинами?

Энтроп задумался, неуверенно поводя раструбом выключенного деструктора. Не знаю, имеется ли в этом устройстве предохранитель, надо поглядеть в спецификации форматора... Правда, для этого придется отнять его у негэнтропа и, следовательно, временно прекратить возведение дома. «Нептун» подслушал наш коротковолновый разговор и счел нужным вмешаться:

– Нагрузка на цепи моего помощника оптимальна, шеф. Пусть работает, ему полезно для правильного энергетического баланса в организме. А то еще сойдет с ума и распылит стену.

Нет, все-таки надо причесать его словарь, выкосить из него устаревшие слова. И какой кретин только программировал его лингвистический блок? Подвижки в строительстве довольно серьезны – полностью готов почтовый отсек со стандартным полевым дыроколом и блок поддержки систем, с которого и началось возведение дома.

Биоформа шалит

8/223, вечер. Вернулись они с Ириной к домашней звезде довольно поздно, когда дом успел очутиться на ночной стороне планеты. Ирина достала каталог семейных записей и проглядела его, время от времени зачитывая названия эпизодов.

– А помнишь, как ты возился со своей первой биоформой? – рассмеялась вдруг она. – У меня сохранилось приятное впечатление от этой записи. Это уже после рождения первенца...

– Разве? – Никлас устало покачивался на гравитационных волнах, в перекрестье тонизирующего излучения. Профессиональные интересы попытались взять верх (как же, задание самого Петрова!), и им это удалось. Действительно, надо бы освежить в памяти, что движет людьми при создании биоформы. – Посмотреть хочешь?

– Давай, – согласилась она. – Запись короткая, всего на двадцать минут... Подключим тактильные связи?

– Не советую, я тогда плазмой обжегся.

Она поместила кассету в прорезь транслятора и прыгнула к мужу, а напротив них сформировалось объемное изображение первой лаборатории Никласа. Как же давно это было! По периметру нижней грани голограммы пробежали цифры полной даты – 24,183,950,037 от Б.В., 231/15:22, затем абсо-

лютные (на момент регистрации) координаты транспортно-го дырокола, записанного на семью Антоновых, и его красное смещение. Затем вся мешающая восприятию информация растаяла, осталась только предельно сокращенная дата – 7/231.

Через пять секунд транслятор настроился на текущие параметры мозга Ирины и Никласа, чтобы прокрутить запись непосредственно в их сознании. Цветные лазерные блики истаяли, ощущение времени и пространства тоже, заменяясь теми, что зафиксировала кассета мнемографа около восьми тысяч лет назад...

Ассоциация 3

– Так, теперь приладим органы движения! – Никлас смахнул со стола все лишнее, задав работу личному негэнтропу. Тот принялся тщательно подбирать инструменты, гайки, прокладки, обечайки, оптоволокно и прочую мелочь с пола, жужжа где-то сбоку.

А молодой экспериментатор склонился над совершенным телом своей первой биоформы – полым шаром с десятком отверстий, в которые можно было бы вставить манипуляторы и другое навесное оборудование. Все внутренние органы изделия – сердце, универсальный желудок, нервная система – функционировали отменно, ожидая только команды «мозга» на пробуждение.

– Почему ты не хочешь приделать ему такие же ноги, как у нас? – спросил Павел-32. Мальчику недавно исполнилось де-

сять лет, и он только постигал мир. Вчера, например, он самостоятельно создал придонный ветер, чтобы запустить примитивный источник питания для механической игрушки с пропеллером.

– Пусть будет элегантным и подвижным, – ответил Никлас. – Опять же, мы обязательно запишем ему программу анализа поверхности, чтобы он мог выбирать, как ему двигаться.

– А на спине повесим ранец со сменными конечностями! – подхватил сын.

– А ты здорово придумал, – похвалил его будущий историк и потрепал ладонью по крупной голове с тремя глазами и одним круглым ухом-антенной, способным улавливать практически все типы излучения.

Павел был крепким малышом, почти квадратным и четвероногим. Ирина с Никласом долго спорили, смешивая в программе «Твое дитя» гены будущего ребенка, а потом решили не изобретать разных редких комбинаций и дать младенцу нормальное, приспособленное для комфортной жизни тело. Так что младенец мог свободно дышать и в песке, и под водой, имел добротный восприимчивый мозг с десятком ячеек для вживляемой памяти, поглощал ультрафиолет и рентгеновское излучение, преобразуя их в энергию мышц. Надежную конструкцию позвоночника любящие родители заменили системой крепких, богатых кальцием и титаном костей, которая позволяла малышу спокойно падать, не бо-

ьясь переломов. Одним словом, первенец получился отличным во всех отношениях – наверное, как и каждый ребенок во Вселенной, которому отец и мать стремятся подарить все самое лучшее из богатого генетического материала человека.

Никлас погрузил руку с зажатым в ней «мозгом» вглубь круглого тела биоформы, с чавканьем раздвигая ткани, и коснулся пальцем переключателя активности. От скопления микросхем протянулись жгутики искусственных нервов из сверхпроводника, опутали внутренние органы и запустили их. Биоформа дернулась, ее сердце запульсировало, и по прозрачным сосудам потекла насыщенная кислородом и глюкозой жидкость.

– Кто я? – скрипнуло из динамика на головогруды.

– Заработало! – обрадовался Павел и схватил ногу-шарнир, чтобы приладить ее на место.

Внезапно под столом что-то зашипело, и голень Никласа обожгла боль. Он сжался от блокирующего спазма, рука внутри биоформы вздрогнула и порвала один из нервов. Изделие хрюкнуло и растеклось по столу бесформенным желеобразным блином.

– Шкловский его побери! – выругался Никлас, аккуратно вынул из биоформы руку и нагнулся. Под столом стоял винтажный негэнтроп с плазменным резаком, который он еще не успел сложить в свою корзину для хлама. Часть мышечной ткани на голени испарилась, обнажив закопченную кость. –

Что за номер?

– Случайно включился, хозяин...

– Он мне чуть ногу не отрезал, – сообщил Никлас сыну. – Ну, неси гель и смажь ожог, чего смотришь? – накинулся он на бестолковую биоформу. – Эти стандартные модели! Вечно в них какие-то сбои происходят. Вот, теперь ты понимаешь, почему не следует во всем полагаться на изделия из каталогов?

– Да, пап, – важно кивнул Павел. – Твоя рана будет для меня хорошим уроком.

Конец Ассоциации 3

– Та поделка оказалась еще более бестолковой, чем негэнтроп с резакон, – рассмеялась Ирина. – Помнишь, как она оставляла за собой полужидкие выделения толщиной в сто молекул, и мы постоянно оскальзывались на них?

– Зато мое имя и описание биоформы попали в каталоги демографов. Один химик мне потом написал запрос, я отправил ему образец «лужи», и он изучил его состав. Очень полезное знакомство завелось – Денис-4 сейчас в Гелиоде-зической Комиссии работает...

Но что же все-таки заставляет людей порождать не только детей с нормальным мозгом из скопления нейронов, но и разумные биоформы? Никлас, уже засыпая, вспомнил о своем опыте по заселению планеты популяцией искусственных организмов. Как он любовно выращивал в автоклавах разнообразные внутренние органы и комбинировал их! Ему было

интересно, смогут ли биоформы породить что-то подобное себе, «продолжить род», или тривиально распадутся через пять-десять тысяч лет на простейшие клетки, затем на органические молекулы – и наконец исчезнут бесследно?

Надо бы проглядеть отчет об этом давнем опыте...

Посылка с «Ежами»

4/96. Настроил сегодня утром дырокол. К этому моменту «Зеница» уже определила текущее расстояние до реперных звезд, сверила его с записанным в каталоге и вычислила мои абсолютные координаты – азимут, долготу и красное смещение относительно нулевой точки в Центре. В общем, пора было регистрироваться у гелиодезистов, что я и сделал, иначе не видать мне антиматерии как черной дыры.

Разумеется, эти эксплуататоры моментально скинули мне стартовый мини-комплекс и два космических аппарата системы «Еж». К ним прилагался набор навесных элементов – универсальные камеры, панели солнечных батарей, кондиционеры, гироскопы, звездные сканеры... Все мелкое и блестящее, явно только что со склада Комиссии. Не успел я разложить детали на сборочном столе, как притащился «Нептун» и застыл в дверях, мрачно глядя на приемный бокс дырокола.

– Плохая защита, – сказал он наконец. – Гравитация от белой дыры вносит помехи в работу моего коллеги.

– Ну так отключи его! Или настрой форматор на производство защитных панелей и общей ими дырокол. – В целях экономии времени негэнтроп максимально упростил все монтируемые системы, и приходилось быть готовым к любым нарушениям – от энергетических до функциональных. –

Тяп-ляп? – мстительно добавил я.

Кажется, логические микросхемы в голове «Нептуна» готовы были задымиться, и он поспешно удалился наружу, чтобы припасть к криомагме. Я же продолжил сборку «Ежей» и вспорол герметичные пакеты с ионно-реактивными двигателями.

Да уж, порядочное время придется тратить на отчеты для Гелиодезической Комиссии, но что поделать? Иначе запросто ославят на всю Вселенную, и коллеги станут поднимать брови и сочувственно хмыкать, встречая меня на конференциях. А главное – антинейтроны начнут зажимать, и как тогда я буду ставить свои опыты? Пусть у меня и порядочно скопилось АМ, а все ж таки лишней она никогда не бывает. Да и подрядчики тут же снизят приоритет с «научного» на «потребительский»... Мало ли бед подстерегает человека, вздумавшего перечить гелиодезистам? Лучше уж отправить аппараты к Альфе и Омеге, чем терпеть лишения в будущем.

Ответ негэнтропа

8/224. Никлас изучил кассету, переданную ему дочерью, на второй день после праздника, после утренней подзарядки калориями. Он не стал подключать ее к мнемографу, чтобы не рисковать чистотой собственного сознания, и ограничился простой трансляцией голограммы. В полупрозрачном кубическом объеме образовалась любопытная картина – две разновеликих биоформы на фоне обширной лаборатории.

Никлас пригляделся к очертаниям предметов, заполнявших ее, и наряду с множеством стандартных устройств вроде автоклава, вакуумного форматора, рабочих столов с химической посудой и вычислительного комплекса увидел некое громоздкое приспособление в форме мощной магнитной катушки. Всей своей тяжестью она как будто придавливала отправной бокс дырокола – тот, что ведал пересылкой вещества за пределы жилища. Оознавательных надписей на «катушке» не имелось.

– Здравствуйте, незнакомый гражданин, – печально сказала биоформа поменьше. Никлас узнал в ней серийную модель негэнтропа «Нептун».

– Да, – встряла другая биоформа. Кажется, историк встречал такой тип в промышленном каталоге, но ни названия серии, ни функций этого существа не помнил. – Мы приветствуем вас в собственном доме основателя клана Деева

NGC 69307-3 Леонида-1. Позвольте прочитать вам оду в его честь!

Он уже явно приготовился включить музыкально-поэтическую полифонию, как «Нептун», судя по всему, осадил товарища на служебном канале связи, и «поэт» промолчал.

– Приносим извинение за временное отсутствие связи с адресатом, – сообщил «Нептун», шаркнув нижним манипулятором по шершавому полу. – Ваше письмо будет передано главе клана тотчас же по его прибытии к месту постоянного жительства, и он непременно свяжется с вами.

Он передал сигнал на мнемограф, и запись медленно растаяла в воздухе, оставив по себе смутное ощущение чего-то неправильного. Пожалуй, исходило оно от крупной биоформы, порывавшейся зачитать какую-то «оду». Никлас связался с центральным компьютером дома и получил справку, что это хвалебное произведение, составленное из зарифмованных строк, с возвеличивающим объект оды содержанием. Какое-то время историк рассеянно глядел на заставку транслятора, а затем передал вызов на другое полушарие планеты.

– Да, милый, – откликнулась Ирина. Она все еще упорно программировала тектонику плит, добиваясь идеальной красоты береговых фракталов.

– Ты когда-нибудь видала такое?

Никлас передал ей изображение крупной биоформы Деева и ее слова. Ирина в недоумении просмотрела краткий ролик и без колебаний заключила:

– У нее очевидно производственные функции, я только недавно просматривала промышленный каталог. Видишь, руки усиленной конструкции, с ячейками для навесных инструментов, ноги слишком широкие, а ступни выглядят так, будто в них вмонтированы вакуумные присоски. Да и где ты видел, чтобы механическая поделка декламировала литературное произведение? Эта биоформа обезумела... Где ты взял эту запись?

– Гемма попросила разобраться. Ладно, спасибо за консультацию.

«Пожалуй, дело Леонида-1 действительно заслуживает того, чтобы им заняться, – подумал Никлас. – Конечно, его дырокол меня не пропустит, и придется посетить гелиодезистов... Заодно и другую информацию добуду – вдруг парень спокойно живет в Центре и не тужит?»

Деловой энтроп

4/103. От тысяч «Сито», разбросанных по Бете, приходят любопытные данные. Хотя я не верю, что их до меня не получали миллиарды таких же исследователей по всей Вселенной. Но долг первопоселенца призывает меня заниматься и такой мелочью.

– «Хаос», ты не мог бы собрать для меня образцы почвы? – спросил я энтропа, выбравшись на поверхность. Чтобы не мучиться с защитой, я до сих пор не перестроил организм на нормальное питание и довольствуюсь походными смесями – брикетами микроэлементов, глюкозы, прессованных белков, жидким кислородом и прочей невкусной дрянью.

Энтроп отвлекся от распыления криомагмы, и молекулярный пар вокруг него постепенно рассеялся. Проступила грязно-бурая «подкладка» котлована, выплавленная биоформой, резкие тени и крошечный диск звезды почти над горизонтом. По плоской равнине гулял разреженный ветер, едва шевеля пыльные потеки. Я еще не выходил под открытое небо в такое время суток, а напрасно – сочетание яркого света карлика и узких, словно электроды, теней показалось мне красивым. В какой-то пьесе слышал, что одиночество может ввергнуть в романтическое настроение даже закоренелого прагматика. А из меня, способного оценить не только

формулу, но и музыкальную фразу, и вообще поэт получится?

– Зачем, хозяин Леонид? Это бесполезная материя, ее необходимо распылить.

– Для исследований, дружок. Просто собери мне куски с правильными срезами и принеси вечером, когда придешь на чистку и питание.

Вообще-то я мог бы и сам побродить по окрестностям, собрать материал и поглазеть на него в микроскоп, но решил выяснить, на что годится этот прирожденный терминатор. Помощник по хозяйству никогда не помешает, не век же ему размахивать деструктором, превращая камень в газ.

– У меня нет емкости для сбора посторонних предметов, – заявил энтроп.

– Ну так приделай ее!

Пусть попробует, это станет для него еще одним испытанием на смекалку. Поглядим, обратится он за помощью к «Нептуну» или справится самостоятельно...

Между делом подписался на технологическую рассылку ГК (хотя в основном она рекламирует новые разработки трансгалактических корпораций в области астрофизической и полевой аппаратуры, что тоже иногда полезно). Думаю, не подписаться ли на искусствоведческие обзоры? К тому же сейчас, когда я основал собственный клан, новости из NGC 69307-3 мне уже не будут доставлять, а дела некоторых бывших родичей, которые не подвергли меня обструкции за идею 7-дырокола, мне по-прежнему интересны...

Денис-4, гелиодезист

8/226. Центр представлял собой сверхскопление галактик, самое крупное образование во Вселенной. Его размер был огромен и составлял почти триста парсеков! Сейчас тут невозможно было найти мало-мальски нормальную звезду, вокруг которой бы не крутились заселенные компаниями, проектными институтами и чиновниками планеты. В каждой исторической программе непременно рассказывалось, как Центр постепенно делился на зоны принадлежности различным Комиссиям и старейшим корпорациям (нередко с локальными стычками и судебными процессами). Последние, собственно, его и колонизировали десятки тысяч лет назад.

Именно Центр непрерывно вырабатывал эталон времени для все остальной обитаемой Вселенной. Когда-то, во времена глобализации и борьбы с ней, здесь была выбрана нулевая точка (мелкая звезда с одной планетой), от которой и произвели установку времени на каждой планете Центра, оборудованной дыроколом. С тех пор время в Центре никогда не менялось. Каждый мог быть уверен, что время для него, пока он путешествует в пределах этой области космоса, не обратится «вспять». А вот любое перемещение на окраины моментально приводило к тому, что автоматика подстраивала «провинциальные» часы по данным, которые путешественник привозил буквально в мозг. Кто бы он ни был – член

семьи или простой гость.

Никлас, как и любой культурный человек во Вселенной, в юности ознакомился с курсом всеобщей истории, и в первое свое посещение Демографической Комиссии долго таранился на одну из ее кислородных планет с орбиты. Он не понимал, как можно потратить столько дорогой антима-терии на бесполезное, в общем, дело озеленения почвы. Но потом догадался, что к этому вынудила демографов элемен-тарная забота о посетителях – почти любой в состоянии ды-шать кислородом и питаться видимым светом и растения-ми (спасибо древним генам). Но вот сунуться в сверхнизкие или сверхвысокие температуры, под щелочной или кислот-ный дождь многие без коренной перестройки организма не рискнут.

От NDG-08873 до Центра было больше четырех гигапар-секов, но благодаря размерам он отлично просматривался на ночном небе Галилеи.

Никлас настроил координаты дырокола на гостевую бе-лую дыру своего старинного друга, Дениса-4, и вскоре уже шагал по гравийной дорожке в сторону скромного шести-этажного бунгало с линзой рефрактора на крыше. Звезда этой планетной системы находилась на главной последова-тельности, в атмосфере преобладал чистый оксид углерода, а температура едва превышала триста пятьдесят Кельвинов, так что условия для жизни тут были вполне комфортными. Разве что буйная и просто гигантская растительность ядо-

вито-синего цвета, заполонившая единственный континент в море красной от водорослей воды, мешала насладиться видом горизонта.

Денис занимался тем, что скармливал программе по контролю над межгалактическими облаками свежую информацию, поступившую утром от сотни-другой арендаторов.

– Великий Хаббл! – вскричал он при виде Никласа, появившегося из лифтовой шахты. – Не иначе, твоя звезда превратилась в сверхновую, и ты решил подобрать себе другую систему. Тогда тебе нужно к другому сотруднику.

– Не все так страшно. Что я, не могу просто повидаться с другом?

– Только не ты.

Денис-4 втянул в туловище десяток щупальцев, которыми он давил на кнопки ви-кей, напоследок стерев объемную карту плотности зеркального вещества. Этот бывший химик, а ныне заслуженный сотрудник Гелиодезической Комиссии был далек от распределения новых галактик и контроля над исполнением договоров аренды, предпочитая иметь дело с чистой информацией. В случае Никласа, пожалуй, это было серьезным минусом.

– Какую кислоту будешь? – В обширном животе Дениса булькнуло, а уши-антенны приветливо развернулись в сторону гостя.

– Янтарную, два к одному с глицином.

– Похмелья боишься? Ты вовремя, а то у меня уже псевдо-

поди стали отваливаться. Ну, рассказывай. Наверняка ведь по делу прилетел.

Никлас расположился на широком гостевом топчане, прямо под затененным окном, и смачно втянул через горло добрый глоток коктейля. Со времени его последнего визита сюда лаборатория Дениса мало изменилась, разве что увеличился в размерах кассетоприемник: Денису-4 удалось убедить Комиссию всучивать каждому претенденту на экспансию программу по наблюдению за межгалактическими облаками.

– Ладно, даже не знаю, как ты отнесешься к моей проблеме... Мне нужен код доступа к дыроколу одного молодого переселенца.

Он протянул другу кассету с именем и адресом Деева. Но Денис и не подумал нарастить щупальце, чтобы принять запись, а глубоко задумался, втянув в себя голову и закрыв ее небесно-розовыми ресничками.

– Извини, Никлас, это выше моих возможностей, – сказал он смущенно. Цвет тела у него стал плавно меняться от оранжевого до бордового и обратно, что означало известную степень досады и разочарования. – В Комиссии новые порядки, последние полсотни лет усиленно внедряется система внутреннего документирования. Придется объяснять, зачем мне нужен код этого парня, и писать запрос демографам и в Отдел безопасности транспортной сети. В Этическую тоже, кстати... Вдруг он подал заявку на уединение.

– Значит, кому-то из чиновников не хватало стоящей ра-

боты?

– Да, борьба с энтропией порой приобретает курьезные масштабы. Систематизация Вселенной! Любой шаг в этом направлении тотчас получает одобрение комиссара.

В общем, такой исход своего визита Никлас не исключал. У него оставалось еще два пути, и оба достаточно трудоемкие. Один – выполнить все перечисленные Денисом-4 действия и ожидать решения многочисленных функционеров. Но второй путь был предпочтительней, потому что позволял совместить разные дела.

Дом готов

4/109. Придумал назвать звезду Геммой в честь моей родной сестры, сейчас она перебралась в клан Романовых. Правда, мы немного повздорили из-за моего отделения от клана, и она могла стереть меня из своей постоянной памяти...

Жилище практически готово. Его общая площадь – двести тридцать квадратных метров, из них большая часть отдана лаборатории с экспериментальной моделью дырокола. Его первичная настройка и привязка к общей координатной сетке – дело нехитрое, с ним справился бы и негэнтроп, но он занят отделкой помещений. С ним повсюду, будто на гравитационном ошейнике, шляется «Хаос». Я вынул из него базовую память, согласно которой ему надлежит размахивать деструктором, и вставил чистую микросхему. Теперь у бедняги есть возможность перенять некоторые полезные навыки «Нептуна».

– Как проходит обучение? – спросил я у негэнтропа, когда они ввалились в лабораторию. Я как раз перестраивал организм, наращивая дополнительное хранилище белковой массы и углеводов. Теперь у меня будет меньше времени, чтобы отвлекаться на прием пищи.

– Не знаю, – хмуро ответил мой славный помощник.

– Что это значит? – Я даже отложил нейронный паяльник в сторону.

– Мне не доверяют, – вступил «Хаос». – Я хочу повозиться с системой подачи кислорода в вентиляцию, но мой коллега считает, что я поврежу ее.

– Да, считаю. Химия процесса еще не до конца стабилизировалась, ты можешь сдвинуть равновесие. И тогда хозяину придется переходить на резервные дыхательные цепи. Кроме того, увеличится расход энергии, изменится нагрузка на пищевой блок, питаемый солнечными батареями, а их установлено ровно такое количество, какое заложено в проекте дома. Следовательно, батареи перейдут на аварийный режим работы, и производитель аннулирует гарантию. Также наверняка произойдет нарушение теплового баланса жилища, отсюда – сбои в работе кондиционера с аналогичными последствиями.

Мы с энтропом молча выслушали эту тираду и переглянулись.

– Вот что, – сказал я решительно. – Задание первое: получить сто метров оптоволокна толщиной в один микрометр. Манипуляторами работает только «Хаос», а ты, мой осторожный друг, стоишь рядом и фиксируешь действия коллеги.

Обе биоформы развернулись и ушли, причем в фигуре «Нептуна» я заметил некую неудовлетворенность. Ноги, что ли, он с особым остервенением впечатывал в пол? Поскорее вернулся к информации со спутника, чтобы сгруппировать ее и скинуть в Центр. Гелиодезисты упорно собирают бук-

важно каждый бит информации, рассеянной по Вселенной. Давно бы уже следует понять, что достойно изучения только то, что находится за пределами нашего пространства-времени...

Наташа-221

8/229. Пора было заняться делом, на которое подвиг Никласа Петров DFS-0976 Иан-1, иначе быстро подобраться к «логову» Леонида-1 не выйдет. Никлас загрузил в постоянную память список клана Деевых и сравнил его с тем, что предоставил демограф. Как он и предполагал, предков Леонида среди тех, кто заинтересовал Демографическую Комиссию, не было: вероятность этого составляла примерно один к пятидесяти тысячам...

Под первым номером значился клан Вангелис NGC 69307-1.

Ассоциация 4

С его нынешним главой, Лео-1, Никлас встречался сто сорок пять лет назад, когда готовил очередное издание «Клановой истории NGC 69307-1 (сектор 7Н)». В общем, можно было бы обойтись и без этой встречи, поскольку Лео-1 к тому моменту возглавлял клан не больше сорока часов (его физический возраст, кстати, превышал тридцать тысяч лет). Но Никлас решил проявить добросовестность и отправил в Центр уведомление о задержке издания. Там хмыкнули и дали добро на интервью, и Лео-1 также не возражал. Получив большинство на семейном собрании, он перебрался на столичную планету клана вместе с женой и последним ребенком, где и занял гостевой дом на берегу метанового моря.

– Вы знакомы с условиями на моей планете? – вежливо осведомился Вангелис NGC 69307-1 Лео-1, когда дырокол выбросил Никласа на перевалочной станции в трехстах километрах от поверхности.

– Да, я готов к ним, – отозвался историк. Перед путешествием в сектор 7Н он произвел необходимую модификацию тела, чтобы не окоченеть на морозе и не задохнуться в углекислоте и водороде. Теперь он походил на коротконового паука со стальными когтями, чьи органы дыхания и запасы пищи на стандартные сутки поместились в районе брюха, а вся аппаратура для записи, лицензия от Демографической Комиссии, идентификатор личности сосредоточились на макушке. Нужные хозяину планеты документы можно было легко извлечь с помощью дружелюбно открытого порта между выпуклых стереоглаз. Мозг пришлось защитить термоустойчивой оболочкой.

Встреча началась с прогулки по берегу моря. Глава клана Вангелис NGC 69307-1 выглядел как массивное яйцо на ходулях – действительно, такая форма позволяла ему успешно сопротивляться бешеным порывам ветра. А вот Никлас то и дело был вынужден пускать в дело когти, чтобы не взмыть над изрезанным, торосистым берегом.

– Я признателен вам за этот визит вежливости, – сразу сказал Лео-1. Общались они на коротких радиоволнах, поскольку акустического голосового аппарата ни у хозяина, ни у гостя не имелось. – Полагаю, вы прибыли напрасно, потому

что меня выбрали только сорок часов назад. Ничего серьезного я еще не успел совершить.

– Но я мог бы познакомиться с вашим сыном, – возразил Никлас. – В предыдущем издании указаны только его пол и базовые параметры тела.

– Он еще слишком мал, – быстро ответил хозяин.

– Ему уже пять лет... – Но настаивать было невозможно, поэтому историк перевел разговор на другую тему. – Расскажите о дискуссии, которая состоялась при вашем избрании.

– Ее не было. Обычное дело – никто не пожелал возглавить семью, и как самый старый Вангелис NGC 69307-1, я был просто вынужден сделать это. Разве у вас бывает иначе, Никлас-9?

Спустя десять стандартных они вернулись в дом. Окна были распахнуты настежь, и по комнатам гулял ледяной ветер. Никлас представил себе, что находится здесь в своем обычном теле, и мысленно поежился. Все-таки ему больше нравились более теплые, даже горячие планеты.

– Я приготовила вам небольшую порцию красивой информации, Никлас-9, – сообщила историку Урсула-33. Она поддерживала такую же форму, как муж, только убрала ноги в «яйцо», чтобы изящнее и живее передвигаться по дому.

– Спасибо. – Никлас слегка наклонил корпус, подогнув передние ноги.

Все значимые для справочника сведения уже и так попали в него, поэтому он не ожидал чего-то действительно инте-

ресного. Так и есть, хозяйка попотчевала гостя скромной полифонией из тектоники местных материковых плит, солнечной активности и редких метеорных дождей, постаравшись создать из этого набора нечто симпатичное. И у нее неплохо получилось! Вопреки ожиданиям, Никласу многое понравилось, особенно микровзрыв метеора в атмосфере, на высоте всего в один-два километра. Освещение осколков – случай произошел на закате – было великолепно зафиксировано. А вот глобальная эрозия единственного местного кряжа его не вдохновила: Никлас с детства плохо относился к энтропии.

– Прекрасно! – почти не кривя душой, воскликнул он после того, как последний кадр коктейля растекся на полу метановой лужей и с шипением испарился (температура в доме была слегка выше, чем за его стенами). – Метеор взорвался изумительно. – Мощность своего радиосигнала Никлас периодически менял, имитируя волнение. Этому приему он обучился за века работы с самыми разными семьями. – Вы позволите скопировать вашу зарисовку в память, чтобы показать ее друзьям?

Поступить иначе значило вызвать у хозяйки неприятный осадок после визита, следовательно, выбора у Никласа не было. Клановый историк не может позволить себе вольность быть до конца искренним, если он хочет сохранить свой профессиональный статус.

– Ради Хаббла, – крутанулась от удовольствия Урсула-33.

Конец Ассоциации 4

Пятилетнего сына Лео-1 Никлас так тогда и не увидел. А вот в списке потенциальных биоформ Вангелис NGC 69307-1 Андрей-221 значился под первым номером. Хотя этот номер, разумеется, ни о чем не говорил, кланы попросту расположили в алфавитном порядке.

Средние имена у всех семи кланов, разумеется, совпадали с названием галактики, один из секторов которой они обжили – NGC 69307-1. Фамилии же поначалу вызвали недоумение Никласа: Смирновы, Авербухи, Оганесяны, Ли... Уважаемые в секторе 7Н люди, никогда бы не заподозрил их в стремлении скостить налог и записать в дети кремний-нейронные биоформы.

Попался также Деев NGC 69307-1 Жан-6, дядя пропавшего «основателя клана». «Отлично!» – подумал историк и обратился к атласу сред обитания. Планета Жана-6 относилась к довольно редкому классу M43.

Несколько минут Никлас растерянно прокручивал в мозгу параметры среды и недоумевал, как долго придется готовить тело для посещения такой странной планеты. «Может быть, наплевать на приличия и явиться в защитной оболочке? – мучился он сомнением. – Рискнуть доверием?» Карьера историка могла быть поставлена под угрозу, если он явится в гости в своем обычном теле, не потрудившись нарастить необходимые органы... «Ладно, сойдет и металлическое напыление», – решил Никлас.

Оставив сообщение для Ирины, он отправился в лабора-

торию и нанес на кожу прозрачный, толщиной в полмикрона, слой золота, отчего приобрел зеленоватый оттенок. Глаза он защитил очками, стекло которых содержало атомы железа. Дырокол выдал разрешение на транспортировку – значит, Деев разблокировал его, не занятый чем-либо существенным, – и через минуту Никлас вывалился из ячейки с белой дырой.

Дом Жана-6 был целиком помещен в скалу из магнитного железняка. Впрочем, планета была искусственной и состояла лишь из кусков породы с самой разной ориентацией вектора магнитного поля. Притом все это хаотически двигалось, словно не в силах удержаться на месте, но бесшумно. Сам дом, по сути, представлял собой один сплошной валун, только полый, и постоянно мигрировал в толще планеты из одного ее полушария в другое. Никлас поежился, чувствуя содрогание «почвы», и потрогал шею. Если золотой слой вдруг слезет, тело историка начнет «закипать» под действием мощного электромагнитного поля.

Жан-6 отдыхал в оловянном бассейне и встретил гостя радушным предложением выпить немного магния.

– Жгучий, с иридиевой крошкой! – воскликнул он.

Но Никлас мягко отклонил приглашение и сел на относительно холодный стальной шезлонг. Хозяин, толстяк с вросшим в тело титановым панцирем, чем-то похожим на древнюю кольчугу, вежливо выбрался из жидкого олова и размазал мягкий металл по телу, отчего на время заблестел. На

его приплюснутой голове бугрилось пять всеволновых глаз, между которыми зияло постоянно открытое ротовое отверстие. Говорил Жан-6 с помощью светового кода.

– Вы ведь наш клановый историк, верно? Ну, расскажите, как дела у Деевых! – Он гулко, словно пустой контейнер, хохотнул через рот (акустическая запись явно из стандартного набора) и устроился рядом, на лежаке.

– Прекрасно! – поддержал его Никлас. – Численность вашего клана уже перевалила за сто пятьдесят тысяч, и по этому показателю вы по-прежнему занимаете 18372-ю строчку в реестре Демографической комиссии.

– Хороший результат, верно?

– Да, несомненно...

– А про меня в «Клановой истории» сектора будет написано?

– Конечно, – заверил хозяина Никлас. – Через несколько лет выйдет очередное издание, и у вас есть хороший шанс попасть на его желтые страницы, а не только в общий список.

– Недаром же вы ко мне прилетели, верно? – опять рассмеялся Жан-6. – Только чем я мог бы прославить свой клан, а? Я человек простой, без выдумки... Вам ведь такие нужны, верно? Может, вам лучше кого другого поискать, а?

– Расскажите о своих опытах по созданию биоформ.

Мимика у Жана-6 полностью отсутствовала, но если бы она имелась, Никлас наверняка увидел бы, как физиономия хозяина меняется с благодушной на каменную – он буквально-

но всеми органами чувств ощутил смену настроения металлического человека. Глаза Жана-6 перестали источать мягкое сияние, перейдя в область жесткого ультрафиолета.

– Они окончились неудачей, – сказал хозяин после продолжительного молчания.

– В прошлом году вы зарегистрировали в Демографической комиссии девочку... Наташу-221. Можно мне поглядеть на нее и зафиксировать ее форму для 9335-го издания? Она ведь наверняка необычна, верно?

«Тьфу, уже прицепилось», – подумал Никлас. Жан-6 ничего не ответил, его глаза полностью погасли. – Я хотел бы написать об опыте рождения потомства с помощью генетического материала, оставшегося от вашей жены. Согласитесь, случай нетипичный...

Углубляясь в тему, историк благодарил великого Шкловского и древние уложения, позволяющие ему правомерно вторгаться в личную жизнь человека из своего сектора обслуживания. Иначе Жан-6 непременно отказал бы ему. А теперь он фактически будет принужден удовлетворить просьбу Никласа, если не хочет навлечь на себя суровые санкции со стороны демографов.

– Идемте, – пробормотал толстяк и с заметным скрежетом поднялся. Оловянные блески на его теле потускнели, окислившись.

Ребенок находился в светлом помещении, полностью изолированном от электромагнитных полей. Девочке было око-

ло пяти лет, она нагишом кувыркалась в пониженной гравитации, сооружая из легких аэрогелевых фигур какую-то сложную комбинацию. Наташа-221 абсолютно не походила на отца – ни формой, ни пропорциями, ни материалом организма. Ее тело явно было белковым и кормилось соответствующими молекулами. Разве что мягкие ингановые плашки на ее голове и торсе свидетельствовали о том, что для экономии внутренней энергии она пользуется световой подпиткой. А в остальном это был типичный двуногий и двурукий ребенок, вполне подвижный.

– Здравствуй, Наташа! – воскликнул на акустическом канале Жан-6. – Познакомься с дядей историком.

– Дядя? – Девочка отвлеклась от строительства и нахмурилась, явно обращаясь к своей зрительной памяти. – Дядя другой, я помню. Тебя разве Леонидом зовут?

– Нет, я Никлас. А кого еще ты помнишь, Наташа?

– Папу! Так вот же он, рядом с тобой стоит.

Историк повернулся к Жану-6 и вопросительно взглянул на него, ожидая каких-либо «отцовских» комментариев. Но тот молчал, динамик внутри его глотки не издавал ни единого звука. Индикатор, встроенный в ладонь Никласа, подозрительно молчал, сигнализируя тем самым об естественности Наташиной нервной системы.

– Вы ничего не хотите добавить? По-моему, девочке намного больше года, и она нуждается во врачебном обследовании.

– Знал ведь, что не следует ее регистрировать, – внезапно сказал Жан-6 и кивнул в сторону двери. Они вышли, оставив ребенка развлекаться с фигурами – кажется, Наташа-221 совершенно не заметила этого. – У меня не было полноценного материала для рождения ребенка, бывшая жена отказалась мне его предоставить... Поэтому у Наташи чисто металлические нервы и стандартный для биоформы мозг. Хотите выпить олова?

– А можно кислоты?

– Оловянной...

Никлас прошел вслед за хозяином в библиотеку, сплошь уставленную стеллажами с кассетами. На многих из полок имелись короткие, состоящие всего из одного числа надписи. Больше всего эти числа напоминали сокращенную запись даты. Матовые поверхности стен и пола не отражали света, загоревшегося на потолке, и казалось, что под ногами межзвездный вакуум.

Жан-6 плеснул в колбу кислоту, а для себя поставил на плазменную горелку ковшик с потеками олова по краям.

– В основном здесь записи двадцатилетней давности. Я создал Наташу по образу жены, подбирая гены из стандартного банка для биоформ и свои собственные. Лет десять возился, пока не получилось похоже. Я знаю правила, верно?

– Хорошо, что вы не создали монстра, – вздохнул Никлас. Он читал о таких случаях, когда создавались полностью живые организмы на основе одного лишь мужского набора хро-

мосом, с искусственно выращенным мозгом из настоящих нейронов. Они были бесполоыми, недолговечными и потому неподходящими для полноценной жизни внутри клана и во Вселенной в целом. – Ваша жена...

– Она развелась со мной через год. Разорвала контракт, и все, даже слушать меня не стала. Мы не успели завести ребенка, она отказывалась.

– Почему вы не зарегистрировали... Наташу в каталоге биоформ?

– Я боялся. Она могла прилететь и заставить меня ее уничтожить, верно? Скрывать девочку бесконечно тоже не получилось бы, сами знаете эти автоматические инспекции... Еще хуже бы вышло, а? Когда-то надо было зарегистрировать Наташу? Я четыре года собирался с духом. Ребенка ведь я не обязан никому показывать? Кроме вас, конечно...

Жан-6 провел стальным пальцем по ряду кассет, вызвав сухой шелест металлопластиковых оболочек. Затем он в упор уставился на Никласа, и тот на мгновение испугался – этот несокрушимый толстяк, вполне возможно, за пятнадцать лет одиночества тронулся умом, а последующие пять лет вполне могли усугубить его душевный недуг.

– Она для меня все равно что ребенок, вы же видите, а? Я специально не загружаю ее память данными, чтобы она сама постигла мир, обучаясь. Мне ведь все равно, как долго это будет продолжаться, хоть сто лет, верно?

– Я вижу, – пробормотал историк. Оловянная кислота ко-

мом встала в горле.

– Мне не нужны льготы на объем исследований, – продолжал хозяин с пафосом. – Я готов выполнять их день и ночь, запускать тысячи зондов и спутников с минутными перерывами! Пожалуйста, не сообщайте демографам, что мой ребенок – биоформа. От этого все равно ничего не изменится, ведь я подам заявку в Гелиодезию на расширение исследований. У вас ведь есть дети, верно?

– Но...

Никлас задумался. Кодекс историка, разумеется, обязывал его немедленно составить доклад в Демографическую Комиссию, чтобы там наложили штраф и поместили Наташу-221 в каталог биоформ сектора, вычеркнув из списка членов клана Деевых. Но сколько таких формальных правил, законов и аксиом во Вселенной? И выдержит ли человек, оставшийся с ними один на один? Вон какой нестигаемый толстяк из сплошного металла, но и тот...

– Значит, вы показывали девочку, – он не решился назвать ее биоформой, – только Леониду-87? Сможете подробно описать мне этого человека и характер его конфликта с кланом?

– Конечно, конечно, – обрадовался Жан-6. – Какой еще конфликт? Я расскажу вам все, самым подробным образом. Ну, все что знаю, верно?

– Верно, – улыбнулся Никлас. – И вот еще: почему мой индикатор не среагировал на ее нервную систему? Это про-

сто удивительно, в первый раз встречаюсь с таким феноменом.

– Ага! Это мне Леонид подсказал, как сделать. Хитрая штука, верно? Я Наташку целый год по его рецепту кормил, с какими-то биодобавками, и купалась она в серебряной ванне... Не знаю уж, как такое возможно, вроде бы у нее особый слой внутри кожи образовался, через который ваш уловитель не работает! Здорово, верно? Вот Слайфер, все разболтал, – огорчился Жан-6 и тут же лукаво сверкнул диодами: – Ну да ведь вы пообещали мне помочь, а?

– Я еще подумаю... Кстати, системная проверка из Центра, полагаю, все же сумеет выявить факт принадлежности... девочки к биоформам. У инспектора – уж его-то соблазнить вам никогда не удастся – будет не такая полевая «игрушка», как у меня, а нормальная модель индикатора.

– Как? – опешил хозяин. – А Леонид сказал мне, что...

– Может быть, я чего-то не знаю? – пробормотал Никлас. – Хотите проверить на практике?

– Нет-нет! Еще по стаканчику, а? – Жан-6, несмотря на убогость мимики, выглядел растерянным. И все-таки, несмотря на видимую нелепость признания вины (если защита Наташи-221 от детекторов была совершенной), на деле оно сыграло толстяку на руку. Природа не обидела его хитростью, и он интуитивно знал, что клановый историк (особенно с таким серьезным стажем работы) может стать ценным союзником. А уж с его помощью намного легче убла-

жить Демографическую Комиссию.

«Что будет с ними, когда Наташа осознает себя биоформой? – думал Никлас, переместившись через какое-то время домой и плавая в мягком гравитационном поле комнаты отдыха. В крови все еще булькала оловянная кислота, тормозя рефлексы. – Сможет ли она смириться с этим? И что я должен сообщить Петрову, наконец?»

Два телескопа

4/113. Вчера под вечер белая дыра в транспортном блоке опять разродилась посылкой из Гелиодезической Комиссии. Ящик принес энтроп, переваливаясь и вздыхая.

– Чем недоволен, дружище? – ласково спросил я.

– Скучаю по своему деструктору, – буркнул он в ответ.

Я бегло глянул на этикетку и сопроводительную документацию, приклеенную магнитной застежкой к упаковке, и мне в голову пришла неплохая воспитательная идея:

– Что ж, ты готов опять вооружиться им и крошить вещество на атомы?

– Да, хозяин Леонид! Но у меня уже нет соответствующей программы, поэтому я не справлюсь.

– Иди и передай коллеге «Нептуну», что я командирую вас в поход. В нем тебе понадобится инструмент, которым ты когда-то пользовался, но работать ты будешь без встроенной микросхемы. Значит, руководствуясь одним только здравым смыслом.

«Хаос» в сомнении удалился, но походка его зримо приобрела упругость и даже некоторый размах. Видно было, что парень предвкушает, как будет размазывать по пространству молекулы мерзлой криомагмы. Спустя всего десять минут явился негэнтроп и в осуждающей позе застыл в дверях лаборатории.

– Я возражаю, – заявил он.

– Да ну? И что же тебе не нравится?

– Все. Вы не должны заставлять «Хаоса» пользоваться его прежними навыками, потому что это смажет терапевтический созидательный эффект последних дней. Причем это самое меньшее зло, и случится оно, если мы вернем его рабочую микросхему на место. А если не вернем (как предлагаете вы, босс), этот неуч может порушить всю континентальную плиту, и наш дом ухнет в пропасть. А ведь я потратил на его возведение и обустройство тридцать два дня!

– Ты просто боишься товарища с деструктором! – догадался я.

– Нет, страх мне неведом, потому что я биоформа, а не пугливый человек. Если «Хаос» спалит меня, кто будет вам помогать, шеф?

– Вот и следи за ним, направляй руку уверенными командами, поддерживай в секунды смятения! Это же твой брат и товарищ. Неужели ты не поможешь ему в создании полости для какого-то телескопа?

Кажется, мне удалось поколебать упертого негэнтропа, потому что он удалился, ничего не возразив.

Отчет Жана-6 о племяннике

8/229. Всю первую половину дня Никлас, слушая низкий гул континентальных плит, размышлял над подачей добытого материала. С какого бока на это дело ни посмотри, он рисковал очутиться, как говаривали древние, между черной дырой и нейтронной звездой. Если предоставить в Демографическую Комиссию правдивый отчет, Петров наверняка переведет Дееву NGC 69307-1 Наташу-221 в категорию биоформ и поместит ее параметры и голограмму в специализированный каталог. Перед законом историк останется чист, словно железо в сердце старой звезды. Но вот отношение к нему со стороны клана Деевых, безусловно, ухудшится – родственники, как правило, любят таких незадачливых увальней, как Жан-6. Еще и самоубийством покончит, стальной монстр! Историк же, по вине которого клан лишился хотя бы одного своего члена, считай, уже не историк, а недоразумение.

Какая-то замкнутая (или «порочная») орбита, по выражению мудрых предков.

А если представить Наташу ребенком, то почему она так велика для своего годовалого возраста? В этом, пожалуй, был определенный плюс... Никлас решил упираться на то, что девочка даже опережает сверстников, за год пройдя двухлетнюю программу развития для детей. «И почему они всегда думают, что так легко фальсифицировать отчет?» – сварли-

во подумал Никлас в адрес наивного болтуна Жана-6.

Он сделал короткую нарезку из записи мнемографа и запаковал ее с собственным комментарием. В нем он утверждал, что Наташа-221, согласно полевому сканированию, не биоформа, а также процитировал намерение Деева отказаться от льгот на исследования. «Это должно заткнуть рот гелиодезистам, – решил Никлас. – Зато, в свою очередь, может насторожить демографов. Великий Белл, всюду гравитационные ловушки!» Только бы вьедливый Петров не направил к Жану-6 дополнительную автоматическую инспекцию, которая выявит искусственность нервной системы девочки...

Пожалуй, «посторонний наблюдатель» может решить, будто личная заинтересованность историка в информации стального толстяка взяла верх над служебной инструкцией. «Но ведь в первую очередь я забочусь о чувствах Жана-6 и своем будущем как кланового историка (не только Деевых NGC 69307-1, но и многих других), а вовсе не о просьбе Геммы!» – утешился он.

Одну копию отчета Никлас пометил адресом старика Иана-1, вторую собирался направить железному монстру, чтобы тот поскорее выслал обещанный материал о Леониде. Но торопился он напрасно – толстяк предоставил свои данные очень быстро. Домашняя биоформа Антоновых, самодельный негэнтроп «Динго», принес кассету из транспортного блока.

– Письмо! – сообщил он. – Уровень доступа – сугубо част-

ный.

– Отлично... Да, вот мой ответ этому человеку.

«Динго» отправился обратно, а Никлас вскрыл защиту прикосновением и воткнул кассету в транслятор. Он крепко надеялся, что послание будет составлено в обезличенной форме, потому что очень не хотел перерождаться (мысленно) в Жана-6. Но толстяк, увы, оказался слишком толстокож, чтобы думать над предпочтениями историка (хотя мог бы обратить внимание, что тот не стал модифицировать собственное тело перед визитом).

Ассоциация 5 (авторская копия Деева NGC 69307-1 Жана-6)

Первый блок данных был датирован числами «564/41/18:22:34». Время, очевидно, соответствовало началу записи мнемографа, а точнее, именно этого фрагмента. Леонид выглядел непривычно высоким и худым, его макушка едва не касалась ежиком волос потолка. Ультразвуковое зрение Жана-6 не слишком отчетливо прорисовало лицо Леонида (или, скорее, зрительный участок мозга Никласа оказался не готов к такой подаче), но жестикуляция выглядела приемлемо. Формой тела Деев NGC 69307-1 Леонид-87 (тогда еще 87-й!), пожалуй, напоминал людей древности – слишком высок и прям, шаг неэкономичен, масса лишних движений, напрасно расходующих энергию. Интересно, как он чувствовал себя в повышенной гравитации или при сильном ветре?

– Леонид! Ты?

– Здравствуй, дядя, – в акустическом диапазоне сказал гость.

– Почему ты не написал мне, а? – удивился Жан-6, непрозвольно булькнув оловом – оно вытекло изо рта и застыло на нижней губе блестящей каплей. – Я мог бы уделить тебе конкретное время...

– Не хочу, чтобы мой визит к тебе как-то отразился в лог-файлах Транспортной Комиссии. Поэтому прибыл с помощью своей модели дырокола, а она пока не любит магнитные материалы. Я не вовремя? Извини, тогда мне лучше вернуться в Центр.

– Нет, что ты! – Толстяк выбрался из бассейна и поспешно растерся наждачным полотенцем. – Ты живешь в Центре? Как же так, Леонид? Ведь у клана столько свободных планет! А если они тебе не нравятся, можно построить свою, верно? Зачем ты тратишь столько антинейтронов на общее жилье? Там опасно, поди? Тебе налить чего-нибудь, а?

– Подожди, дай отдышаться, – сипло рассмеялся гость и сел прямо на столик. – У тебя совсем мало кислорода в атмосфере, трудно перестраивать легкие.

– Зачем он нужен, а? Только окисляет все, верно? А хочешь на мою девочку поглядеть? – загорелся Жан-6, едва успев плюхнуться в глубокое диамагнитное кресло. Впрочем, вставать ему не потребовалось, потому что в ножки мебели, как оказалось, были встроены локальные источники

гравитации.

– У тебя есть ребенок?.. Но...

– Сейчас сам увидишь! Девочка.

Они переместились по коридорам в сторону детской, и с каждым метром эмоциональное состояние Жана-6 (а значит, и Никласа как зрителя) улучшалось. Когда они открыли дверь детской, ребенок спал, плавающая в нулевой гравитации словно стилизованная звездочка, с широко раскинутыми в стороны конечностями. Короткие волосы девочки шевелились, будто водоросли.

– Она совершенно не похожа на тебя. Как ты смог получить от нее хромосомы?

– Я... не получал их.

– Вот как? Значит, она биоформа? Я должен был догадаться, пропорции совершенно не детские. Кремний-нейронные нервы... Ты хоть понимаешь, чем это тебе грозит, Жан-6?

Толстяк пустил по комнате гравитационную волну, колыхнувшую маленькое тело, и на губах девочки возникла слабая улыбка, будто легкое ускорение удачно вписалось в ее сон. Температура Жана-6 подскочила на один Кельвин, и в ответ мягко включился терморегулятор.

– Да, конечно, – сказал он. – Но ведь это красиво, верно? А остальное не так важно. Замечательный ребенок, а?

– Первая же инспекторская проверка выявит его структуру и выпишет штраф за нарушение закона о биоформах. Ты обязан был сразу зарегистрировать ее. Ладно, извини, это не

мое дело.

Они вышли из комнаты и переместились в рабочий кабинет, заполненный стеллажами с кассетами и сопутствующей аппаратурой, терминалом для управления системами дома и безделушками вроде псевдоэстетского ржавого топора. В зрении Жана-6 это помещение выглядело совсем не так мрачно, как в представлении Никласа. Стены украшала редкая электромагнитная живопись, текучая и загадочная, из спиральных разводов то и дело формировались неуловимые, но смутно узнаваемые образы всем известных, «музейных» галактик – вот Конская Голова, а вот Муравей, Вуаль в Галактике NGC 6992 или Розетка... Характерная для этого искусства цветовая гамма, преобразованная в видимый диапазон мнемोगрафом, действовала на историка возбуждающе, Жан-6 также приободрился:

– Будешь олова или магния?

– Нет, спасибо... Дядя, мне нужна твоя поддержка на Совете клана. Я хочу отделиться от него, и твой голос может спасти меня от изоляции.

– А? – растерялся хозяин. – Ты шутишь, верно? Как отделиться, не понимаю?

– У меня есть около десяти граммов антиматерии, и мне хватит этого, чтобы зарегистрировать новый клан и арендовать пустую Галактику. Нужен, как ты понимаешь, хотя бы один голос на Совете клана, иначе гелиодезисты откажут мне в праве на экспансию.

– Но почему?.. Леонид, что случилось, а? В нашей много свободных галактик и миллиарды хороших звезд, ты можешь колонизировать любую! Зачем же рвать с родным кланом, а?

– Долго объяснять, да ты и не поймешь, Жан-6. Я ведь говорил тебе, что работаю над принципиально другой конструкцией дырокола, и после катастрофы с почтовым отправление транспортники запретили мне испытывать ее. Понимаешь? Я не могу официально работать в пределах заселенного пространства, истыканного черными дырами словно пещеристое тело – порами. А как без разрешения на эксперименты докладывать о своей работе на конференциях? Немыслимо! Мне необходимо свободное от людей пространство размером хотя бы в двадцать кубических килопарсеков. Клан, естественно, не отпустит меня...

– Ты мог бы сменить пол...

– Еще чего! – опешил Леонид. – Это потребует времени и затрат энергии, к тому же переехать я смогу только в такую же обжитую область. А мне нужна пустая, верно? Великий Хаббл! Всего-то и нужно твое заявление на клановом Совете.

– Он состоится через триста двадцать девять лет...

– Нет, уже через месяц, потому что я собираюсь умышленно и открыто нарушить закон.

Жан-6 окончательно впал в растерянность, даже стимулирующие слабые токи в спине и височных «костях» затухли. Картины будто расплылись, и он вдруг перестал узнавать

очертания знаменитых галактик.

– Тебя изолируют в удаленной галактике нашей...

– Дядя, я устал объяснять, что в твоих силах подать голос за мое отделение от клана! Ладно, слушай внимательно. Ты делаешь так, как я тебе сказал, а я помогаю тебе скрыть биоформу от инспекции. Стандартная автоматическая проверка не выявит у нее искусственные нервы, главное при этом – не вызвать подозрения демографов и зарегистрировать ребенка...

– Я давно не женат, ты же знаешь?

– Великий Белл, я с тобой совсем сдвинусь, дядя. Мы договорились или нет?

– Но как же клановый кодекс? – жалко спросил хозяин. – Меня перестанут приглашать на церемонии прощания...

– Вовсе ни к чему объявлять на весь совет, что это ты предложил «экспансию»!

– А можно мне подумать, а?

Леонид устало махнул длинной рукой и с облегчением выбрался из глубокого жесткого кресла. Ничего не говоря, он двинулся к транспортному блоку, и Жан-6 засеменял следом, не выпуская колбу с жидким магнием. У входа в дырокол он схватил гостя за рукав.

– Но ведь транспортники узнают, что ты был здесь, верно? Что же они подумают, ведь сюда ты прибыл, не используя общие каналы? Разве можно летать с помощью самодельных дыроколов? Ты же рискуешь исчезнуть!

– Не впервой, дядя.

– Но ведь это опасно, а?

– О... – простонал Леонид. – Да, именно поэтому я собираюсь занять пустую Галактику, чтобы иметь возможность проводить эксперименты, не оглядываясь на закон. В ее пределах я смогу передвигаться с помощью дырокола своей конструкции, не боясь вклиниться в транспортную сеть Вселенной и аннигилировать с кем-нибудь на пару. Видишь ли, меня не устраивает, что конечные координаты привязаны к четырехмерному пространству-времени, мне нужен динамический способ перемещения...

– Постой, я все равно не понимаю! – перебил Жан-6.

Леонид протяжно выдохнул, затем положил ладонь на стальное плечо родственника.

– Пожалуйста, думай поскорее и прими правильное решение. Не забывай, что твою биоформу в любой момент могут раскусить элементарным детектором.

И Леонид-87 шагнул в кабину, внутреннее пространство которой тотчас свернулось в черную дыру. Очевидно, гость выбрал быструю опцию «возврат». Жан-6 еще около минуты стоял напротив пустого блока, пытаясь нащупать в голове хоть одну мысль, затем сдался и пошел к бассейну.

Конец ассоциации 5

Никаких комментариев к записи не было – видимо, Жан-6 считал предоставленный материал исчерпывающим. «Что же я имею, а? – задался вопросом Никлас. – Тьфу ты, Циол-

ковский разрази, опять начинаю выражаться как бедняга Жан-6... Итак, подведем промежуточный итог». Благодаря нетрадиционным научным интересам Леонид-87 впал в немилость у Транспортной Комиссии, и та запретила ученому опыты с новой моделью дырокола. Собственно, в чем ее отличие от той, что сотни тысяч лет успешно эксплуатируется в каждом доме Вселенной?

Пожалуй, если бы это была какая-то глупость или психический вывих Леонида, дело не представляло бы такого интереса. Ну, придумал человек интеграл, как говаривали древние, и что? Ссориться из-за этого с родным кланом?

«Надо поговорить с транспортниками, – решил Никлас. – А главное, раздобыть код доступа в NGC 69307-3».

Биоформы в кратере

4/114. Биоформы уже смонтировали первый из двух телескопов, в непосредственной близости от меня, то есть на крыше лаборатории. Сегодня утром они на пару оседлали допотопную атомную дрезину, нимало не экономя запас топлива, и бодро двинулись в сторону восхода. Их нелепые фигуры еще долго смутно виднелись на фоне восходящего диска Геммы, пока не пропали за торосом криомагмы. А уже к одиннадцати часам «Нептун» вышел на связь:

– Шеф, к месту монтажа интерферометра прибыли!

Я покрутил камеру на его шлеме и увидел, что они торчат прямо посреди глубокой воронки, судя по всему, когда-то оставленной метеоритом. Края ее выглядели оплавленными, а материалом напоминали базальт.

– Коперник вас побери, – высказался я. – Не стоит ли водрузить телескоп на горку вместо впадины?

– Вычисления показывают, что данная точка находится на удалении двести шестьдесят километров от базы, босс, – заартачился негэнтроп. – Ложное размещение прибора приведет к сбоям в интерферировании космического излучения. Полученные данные в итоге приобретут приблизительный характер, что скажется на оплате труда.

Я на минуту задумался, и в радиоэфире, кажется, разнеслась торжествующая волна, однако «Нептун» напрасно по-

спешил отпраздновать победу.

– А что думаешь ты, «Хаос»?

– Хозяин всегда прав, – смутно ответил энтроп. – Он главный.

– Слышал? То-то же, – злорадно указал я помощнику. – Езжайте на восток до ближайшей локальной возвышенности, понятно? Телескоп должен охватывать как можно больший сегмент неба, это самое важное. А с настройкой потом разберемся.

Великий Смит

8/230. Транспортная Комиссия обладала не меньшей властью по сравнению с другими, а работали в ней в основном люди, которым нравилось путешествовать по Вселенной за государственный счет. Как правило, именно они принимали в эксплуатацию крупные мульти-дыроколы, не доверяя автоматическим инспекторам.

Никлас выбрал для посещения, естественно, представителя Комиссии в секторе 7Н Галактики NGC 69307-1. Он принадлежал к клану Смитов, обитавшему тут же, и звали его Паоло-16. Пришлось подождать до 13:27, на более раннее время комиссар не согласился. К назначенной минуте Никлас уже преодолел снизу вверх все триста уровней обиталища Смита по пневматической трубе и ожидал хозяина в прозрачном гостевом шпиле конической башни. Вокруг колыхалось серое газовое море, и купол возвышался над ним метров на двадцать. Местное солнце багряно купалось в текучих волнах охлажденного аммиака, а многочисленные зеркала дробили его отражение на тысячи тусклых осколков. На планете наступил вечер.

В гостиной кружились слабые аммиачные смерчи, однако Никлас заблаговременно вставил в ноздри химические фильтры и не ощущал запаха. Но глаза заметно щипало, и пришлось временно нарастить на них прозрачные веки.

Из люка в полу выпрыгнул тугой шар диаметром около метра, покрутился и смачно прилип к стене. Его матовые внутренности расцвелись световым кодом:

– Рад обонять господина Антонова NDG-08873 Никласа-9! Готовите новое, очередное издание нашей «Клановой истории»? Польщен вниманием!

– Гм... – Гость был вынужден вытянуть глазные яблоки вместе с веками на макушку и ответить с их помощью, видимыми импульсами. Ему-то ни за что не добиться такого эмоционального богатства речи, вон как охряно светятся и плавают блики в теле Паоло-16, многие из них – отраженный свет закатного солнца. Неудивительно, что Смит выбрал именно такой способ общения. – Да, конечно.

– Наконец-то! Вам уже давно пора было включить меня в это издание!

– А разве вас там нет? – удивился Никлас. – Все государственные служащие обязательно представлены в микросхемах «Клановой истории», без всякого исключения.

– «Меня» означает именно «Меня», а не какого-то безликого Смита NGC 69307-1 Паоло-16! Вы меня понимаете?

– Не вполне, – пробормотал Никлас.

– Как же! Ведь каждый достойный этого звания человек непрерывно развивается, совершенствует собственное тело и расширяет возможности для адаптации! Поглядите на меня – я могу свободно существовать в любой атмосфере от двухсот до пятисот Кельвинов, при давлении от одного

(именно «одного», а не «одного миллиона») до пяти миллионов паскалей и даже летать без аппаратной поддержки! Меня можно увидеть с расстояния в сотни километров. По речевому набору я намного превзошел, например, вас. Теперь понимаете?

– О да! – изобразил облегчение гость. – Но ведь это крайне сложно – выразить в нескольких терабитах все богатство вашей индивидуальности.

– Непросто, согласен! Но ведь вы историк, вам и звезды, ха-ха, в телескопы, как говаривали предки. Вы меня понимаете?

Никлас пригасил глаза и на минуту задумался, расхаживая по тесному пространству башни. Солнце тем временем еще глубже погрузилось в газовое море, и стало казаться, будто где-то далеко тлеет вулкан. Смит также несколько поблек. Как бы все же, по выражению древних, свернуть этот астероид с траектории столкновения с планетой?

– Мне бы не хотелось занимать ваше ценное время мало-полезными разговорами, – начал он, и Паоло нехорошо насторожился. – Однако кто лучше вас сможет рассказать мне о вас же, верно? Собственно, меня интересуют две вещи...

– Моя биография до и после вступления в должность? – с удовольствием предположил Смит.

– Это уж само собой! Видите ли, несколько лет назад ваш сектор 7Н потрясла одна очень нетривиальная история, и вы имели к ней непосредственное отношение. Если еще не стер-

ли из памяти – тогда некий молодой Деев порвал со своим кланом из-за каких-то странных проблем с вашей Комиссией...

– О, это скучная история, – потускнев, сказал Паоло-16. – Ничего занимательного. Вы меня понимаете?

– Разумеется, это не просто скучная, но еще и глупая история, – ласково мигнул Никлас. – Но нельзя же травмировать читателей нашей книги сплошными биографиями великих людей (таких как вы, например), эдак они, пожалуй, комплекс неполноценности заработают! Необходимо, знаете ли, разбавлять информацию куда более приземленным, тусклым материалом... Вы меня понимаете?

«Святой Фридман! – подумал Никлас. – Нельзя же быть таким лицемерным».

Смит отлип от стены, приобрел упругость тела и в задумчивости попрыгал по гостиной, радуя гостя красочными всполохами внутренностей.

– Да, небо любви, а под метеорный дождь не суйся, – выдал банальность Паоло после минутного размышления. – Так, кажется, полагали древние. Что ж, вы меня убедили, я попробую восстановить кое-что из своих архивных записей! Пусть учатся на ошибках! Не моих, конечно, а этого бестолкового Деева. Обещаю, что моя собственная биография будет намного полнее и поучительнее для молодого поколения Смитов. И всех других кланов, разумеется. Понимаете? Ожидайте письма с кассетой в ближайшие дни.

Никлас радостно помигал, благодарно расшаркался и поспешил прыгнуть в лифтовую шахту. От переливов красного, желтого и оранжевого у него уже рябило в глазах, к тому же фильтры в носу выдавали первые, тревожные признаки насыщения аммиаком.

Новое назначение энтропа

4/117. Вчера с помощью обеих биоформ собирал стартовый мини-комплекс. «Хаос» разравнивал площадку в естественной впадине рядом с домом, а негэнтроп устанавливал фермы и монтировал противометеоритный навес. Я же прямо на месте скреплял детали комплекса, ведь выволочь его сквозь дверь целиком ни за что не выйдет.

Сегодня утром позвал в кабинет «Хаоса» (тот попросту шлялся по дому, наблюдая за созидательными действиями негэнтропа, и складывал биты в мозговую копилку, как выразились бы в древности).

– Как ты относишься к тому, чтобы я заменил у тебя оперативную память? – спросил я.

– Плохо, хозяин. Я только начал понимать, как стереть пыль с монитора и не поцарапать его.

Я обошел этого недотепу по кругу, прикидывая, куда поставить модули с навыками астронома и оператора телескопов. Эта модель вряд ли рассчитывалась, исходя из повышенных запросов пользователей, а потому дополнительных разъемов не содержала.

– Чем-то надо пожертвовать, – сообщил я. – Предлагаю задействовать порт деструктора. Или выдернем у тебя, скажем, лингвистический блок. А может, тебя вообще списать в вакуум, э?..

– Нет! – испугался энтроп. – Я еще слишком молод, чтобы умирать. Согласен, задействуйте порт деструктора. – Он уныло мигнул и протянул мне клешню с таким видом, будто я с особой жестокостью собирался оттяпать ее плазменным резаком.

Наверное, это неплохая мысль – использовать «Хаоса» для астрономических наблюдений и контроля над измерениями. Только что предпочесть: обслуживание почты для гелиодезистов или непосредственно работу с приборами? Наверное, анализ данных ему не потянуть... Пусть работает с почтой. Я сбросил на микросхему краткий астрономический курс и навыки работы со стандартным почтовым дыроколом. Деталь с сухим хрустом вошла в порт, вызвав у биоформы гримасу отчаяния.

– Несколько пинов сломалось, – пожаловался «Хаос».

– Ничего, нарастишь, если понадобятся. Назначаю тебя оператором почтовой связи с Правительством! – объявил я торжественно. – А также главным астрономом нашей галактики.

Энтроп приободрился и ушел – подозреваю, не к дыроколу, а в библиотеку, чтобы похвастаться (там «Нептун» завершал монтаж транслятора).

Добрый Петров

8/231. Утром Никлас по просьбе Ирины проглядел ее тектонические «рисунки», но вразумительного комментария выдать, как обычно, не сумел.

– Кажется, фракталы симпатичные, – промямлил он.

– И все? Разве они не напоминают тебе контуры нашей галактики?

– Конечно! – обрадовался историк. – Как я мог не заметить, а? Точно, так и есть. А я еще подумал – на что похожа эта экстраполяция? И какой у нее возраст?

Ирина с насмешкой уставилась на мужа, но тот напустил на физиономию настолько заинтересованный вид, что ей пришлось ответить:

– Забыл? Плюс миллиард, конечно, с меньшими числами не стоит и связываться, каждый ребенок сумеет рассчитать конфигурацию береговых линий... А давай на Землю слетаем, нормальным кислородом подышим? – загорелась Ирина. – И ты расскажешь мне о своей работе над 9335-м изданием своей «Истории».

Но у Никласа были несколько другие планы, к тому же обустроенная женой ботаническая зона вокруг южного полюса не слишком-то ему нравилась. Какая-то она была внесистемная, чужеродная для Галилеи.

– Мне нужно навестить своего куратора из Демографиче-

ской Комиссии, а я еще отчет не закончил.

Тратить время на то, чтобы ввести жену в курс его проблем с Леонидом-1, он не хотел: проще потом, при случае, слепить кассету из записей мнемографа и отдать ей. У нее наверняка когда-нибудь наступит фаза охлаждения к динамике материковых плит, и тогда Ирина буквально повиснет на Никласе с требованием подыскать для нее занятие по душе. В любом случае, пока расследование «дела Геммы» не зашло достаточно глубоко и зримого результата нет.

– Этого старика Петрова, что ли? – поджала губы она.

– Его. Нечего рассказывать, рутина... Вот разве Смит NGC 69307-1 Паоло-16 меня вчера порядком утомил, требовал уделить ему в книге столько же места, сколько главе клана. Могу дать тебе для ознакомления кассету с его автобиографией, хочешь? Вдруг он и в самом деле велик.

Ирина рассмеялась и шлепнула мужа по ушам.

– Хитрец! Ладно, радуйся пока, я сама слетаю. Знаешь, у растительных организмов порой можно подглядеть такие формы, что и во сне не увидишь. А прочистить легкие тебе было бы полезно, не спорь! Вечно в библиотеке торчишь или по вредным мирам мотаешься.

Никлас внутренне усмехнулся, постаравшись никак не выдать реакцию на «хитреца». Но она знала про него все, за тысячи лет совместной жизни они научились с одного жеста или слова угадывать взаимные уловки, и все равно старались озадачить партнера игрой интонаций и намеков.

Впрочем, к замечанию Ирины по поводу легких Никлас отнесся серьезно. Она как будто заглянула в диагностическое окно его функционального блока – тот сразу после пробуждения сигнализировал о недостатке молекулярных нанороботов в организме. Их количество упало ниже 95 % от оптимального, ведь процесс разрушения искусственных «вирусов» никогда не останавливается. То, чему эти микроскопические образования препятствуют – износ и старение, – властно над ними. Они старательно разбирают сшивки между молекулами, восстанавливают клеточные мембраны, лечат сами клетки, но при этом постоянно разрушаются.

Введя в кровь новую порцию нанороботов, Никлас подкрепился парой таблеток с органикой, запил их для бодрости толуолом и отправился в транспортную секцию дома. Он еще накануне сбросил демографу уведомление и получил коридор от 14:00 до 14:01, то есть позднее утро по времени Галилеи.

Никлас прибыл на искусственную планету Петрова (в системе легкой нейтронной звезды) вовремя. Хозяин планеты имел типичную для людей его возраста форму. Его колени изгибались назад, ступни напоминали лапы древних хищников, а широкое тело располагалось под углом один радиан к полу. Вертикально сидящая голова на длинной шее приветливо склонилась навстречу гостю. Длинные руки молодого старца с восьмипальными кистями вытянулись в сторону кресла-трапеции, и Никлас уселся на длинную грань. Кро-

шечные иглы тотчас впрыснули ему в ягодицы легкий наркотик.

– С чем прибыли, коллега? – осведомился Иан-1.

– Вы уверены, что расследование должен вести я, а не Гелиодезическая Комиссия? – Не теряя времени, Никлас ухватил звезду за протуберанец, как выражались предки.

– Почему вы полагаете, что она не ведет его? – туманно ответил Петров. – Своими методами, разумеется.

– Автоматические инспекторы?..

Кроваво-черный пейзаж за окном и общая мрачность обстановки, рассеявшаяся было под действием инъекции, опять стали давить на гостя. «Не угадал», – решил он и начал с другого конца.

– Мне требуется подтверждение оплаты в форме реального доступа к информации, – заявил он и достал из нагрудного кармашка кассету со сфабрикованным отчетом. – Анти-материи не нужно, я выбираю биты.

– Что вас интересует? – Иан-1 на мгновение выпучил глаза, проникая взглядом сквозь оболочку кассеты, и скучливо отвернулся.

– Транспортный код планеты Деева NGC 69307-3 Леонида-1. – Никлас рассчитывал добиться хоть какой-нибудь реакции от хозяина, однако тот никак не выдал того, что когда-либо слышал об этом Дееве. – У меня чисто семейный интерес к этому человеку... Дочь попросила.

– Жаль. Я было подумал, что эта информация потребова-

лась вам в ходе работы по Дееву NGC 69307-1 Жану-6.

Никлас сдержался и не высказал старику своего отношения к его догадкам, но секундное раздражение, видимо, все-таки прорвалось в изгиб его губ, потому что Петров довольно хрюкнул и поднял гипертрофированные ладони кверху.

– Вы получите код, даже если от вашей записи не будет никакого толка для гелиодезистов...

– Он уже есть, – возразил Никлас. – Мне удалось уговорить Жана-6 отказаться от налоговых льгот и расширить исследования планеты. Благо она довольно проста и не потребует значительных усилий на свое изучение.

– Вот как, – протянул Иан-1 в сомнениях. – Великий Белл, зачем вашей дочери понадобился этот мизантроп Деев? – внезапно воскликнул он. Историк, как говорится, «настроил локаторы» и заинтересованно уставился на хозяина, предвкушая продолжение. – Да он же чуть не вывел из строя всю нашу транспортную сеть! Пострадало двое случайных людей, десятки почтовых отправок получили заметные повреждения.

– Не могли бы вы подробнее осветить это событие? – осторожно высказался историк, выдержав приличную паузу. Но Петров, очевидно, не торопился развивать свою реплику.

– Нет. Во-первых, я не имел к нему отношения и могу только пересказать чужие данные, что вряд ли корректно. А во-вторых, у нас недостаточно времени для такой длительной беседы. Но...

– Да, как бы мне узнать подробности этого происшествия?

Старец задумался, лукаво глядя на гостя. Вообще, этот демограф с самого начала карьеры Никласа как историка относился к нему с симпатией. Возможно, потому, что тот не злоупотреблял модификациями формы и никогда не отказывался от конфиденциального сотрудничества, выдерживая при этом высокую точность информации, поставляемой в издание «Клановой истории». Никакой фамильярности, впрочем, Петров не допускал, вот уже тысячи лет неизменно вежливо ставя перед Никласом текущие задачи.

– Я постараюсь поговорить с друзьями из Транспортной Комиссии... Когда вы в следующий раз пришлете мне отчет, я буду готов направить вас по нужному адресу. Лично можете не являться, память у меня идеальная... А код Деева я вам сегодня же направлю, я не забыл! – Иан-1 хихикнул и потер колоссальные ладони друг об друга, произведя переливчатый треск.

– Благодарю, – сухо сказал историк и поднялся.

Косные ученые

4/120. И управляющий системами дома блок, и мой новаторский дырокол сконструированы для использования антиматерии. Просто потому, что другого такого же эффективного источника энергии в природе не существует. Простые приборы и устройства, конечно, можно эксплуатировать и при помощи протонного распада, световой, термоядерной и даже атомной энергии, этих милых пережитков древности. Более того, во время путешествий по планетам Центра мне попадались совершенно экзотические источники: ветряной, гидротермальный... Однажды какой-то парень – не помню, как его звали, – желая поразить девчонок, зажег лазерным резакom целое мертвое дерево! Все тогда неплохо подкрепились теплом и светом.

Ничего из этого не годится, чтобы принудить дырокол моей конструкции работать в полную силу, даже АМ. Как заставить реагировать с расходным веществом не одну упаковку с антинейтронами, а сразу две, три и так далее – синхронно, разумеется? И как при этом направить весь энергетический выброс в измерения с пятого по десятое, не допустив его остаточного рассеивания по моим четырем?

Я знаю, что мой дырокол разворачивает все семь пространственных измерений, свернувшихся сразу после Большого Взрыва в одно, и соединяет две произвольных точки

Вселенной быстрее и надежнее, чем дырокол обычной конструкции. Но к моим выкладкам никто не прислушивается, а те, кто готов с ними согласиться, говорят: «Зачем тебе нужно еще четыре дополнительных измерения, когда достаточно трех?» Когда я в первый раз делал доклад на конференции «Вестника единой Вселенной», то наивно полагал, будто мой способ перемещений будет с благодарностью одобрен Транспортной Комиссией...

Ассоциация 6 (авторская копия Деева NGC 69307-3 Леониды-1)

Как бы не так – Вселенная неповоротлива, и миллионная армия ее чиновников вместе с ней. Мое выступление в конференц-зале гостевой планеты Транспортной Комиссии было запланировано на второй день, и Хаббл знает, как я готовился к нему. Подавляющее большинство тех, кто интересуется проблемой доставки материи во Вселенной – прикладники. Они разрабатывают незначительные усовершенствования конструкции дырокола или схемы оптимизации трафика, их не заботит возможность резко увеличить плотность движения в свернутых измерениях.

Вечно ясная погода не могла помешать, естественно, красочной презентации моего изобретения на роскошном полигоне транслятора. Умелая автоматика знала, где подсветить, а где приглушить яркость картинки, и мне казалось, что все величие нового 7-дырокола (я так и не придумал для него оригинального названия) промочит мозги инженерам и тео-

ретикам от транспорта.

– Вы оценили стоимость капиталовложений? – спросил меня один желчный старикашка-ракообразный, по виду – типичный чиновник с многотысячелетним стажем. Вопрос поверг меня с высокой орбиты прямо в океан, по выражению древних.

– Я не занимался этим аспектом проблемы.

– И напрасно. Сколько, по-вашему, дыроколов находится в эксплуатации? – гнул свое оппонент. Остальные слушали его явно одобрительно, хоть и не улюлюкали.

– Обратитесь в Демографическую Комиссию! – вспылил я.

Зал загудел, недовольный моей несдержанностью. Могли и существом вопроса интересоваться, а не его прикладными ответвлениями. Посыпались скептические реплики, каждая из которых затрагивала один и тот же аспект – затратность внедрения проекта. Я стал прислушиваться, только когда прожектор осветил солидный куб с плавающим в нем цилиндрическим мозгом. Это был известный теоретик суб-пространственных перемещений, заместитель редактора «Вестника».

– Я сомневаюсь в стабильности вашего устройства, – заметил он веско, в молчании аудитории. – Помимо того, что он требует повышенного расхода антиматерии, ваш 7-дырокол оперирует с большим количеством свернутых измерений...

– Со всеми, – хмуро перебил я.

– Тем более. Обитаемых планет во Вселенной почти десять триллионов, запасов свободного зеркального вещества хватит на производство еще в сто сорок раз большего количества массивных гравитационных объектов, для поддержания которых на орбитах звезд не потребуется энергии. Существующие транспортные схемы позволяют нам эксплуатировать их все вплоть до исчерпания пригодной материи, то есть еще по крайней мере двести пятьдесят тысяч лет.

– А дальше?

Пару секунд аудитория молчала, а затем раздались веселые смешки, быстро переросшие в хохот – во всех диапазонах, от гамма– до инфразвукового.

– Неужели вы не понимаете? – воскликнул я. – Внедряя мою модель сейчас, к критическому моменту мы подойдем во всеоружии! Мы сможем задействовать не только зеркальное вещество, но и мертвые звезды и даже черные дыры. Каждая семья сможет иметь не один-два открытых дырокола на планете, а десятки и сотни. Почтовая связь будет работать так же надежно, как сейчас. Хотя, впрочем, я готов доказать ее ненадежность...

Никто не хотел ничего менять! Ни транспортники, ни разработчики сервисных безделушек и почтовых программ, ни маститые теоретики. Именно в ту минуту я сказал себе, что сопротивление целой Вселенной не остановит меня. Случайная мысль о «безупречности» почтовой связи крепко засела в мою голову.

Конец ассоциации 6

Еще великий Белл в древности доказал, что из нашего детерминистского мира положений в пространстве и скоростей нет хода в мир мгновения-вечности. Может быть, этот мир вечности, где нет прошлого и будущего, лежит за пределами наших четырех измерений, и я вторгаюсь в него своим 7-дыроколом? Кто знает... Я подумал об этом, глядя на буйство энергии в сердце квазара. Казалось бы, давно доказано, что источником их жизни являются массивные черные дыры, а образуются они при столкновении галактик, но нет! Кое-кто из молодой поросли космологов тысячами отстает другую точку зрения. Мол, квазары суть «буйки», вешки вдоль границы известной Вселенной, и в самой глубине их – там, куда неспособен проникнуть человек и где перестают действовать все законы природы – пространство разворачивается веером первородных десяти измерений, и стирается грань между ним и временем. И само время от Большого Взрыва до лептонного распада укладывается в один миг, длящийся вечно. Мне почему-то близки эти идеи, развенчать или подтвердить которые человек, оставаясь в отведенных ему пределах мироздания, не в состоянии. Но как ни стараюсь я «постичь» мир при перемещении в 7-дыроколе, разворачиваясь на все десять векторов, ничего не выходит. Или наоборот – происходит, но слишком быстро для моих живых нейронов?

Биоформы и заброшенная Бета

8/231, вечер. В 17:27 по семейному времени Никлас оставил для Ирины предупреждение об отлучке и координаты места назначения, надиктовав информацию системе управления домом. Он вряд ли смог бы рационально объяснить, почему принял такую серьезную меру предосторожности. Просто запись Геммы-19, на которой две биоформы лопочут что-то невразумительное, обеспокоила его.

На кассете Петрова имелось все – азимут, долгота, привязка к некоему моменту времени от Б.В. (точнее, моменту последней почтовой связи с адресатом) и красное смещение планеты Леонида-1. И легальный 2048-битный код доступа, разумеется, благодаря которому белая дыра в месте назначения произведет локальную корректировку координат (чтобы странник не вывалился в непригодном для жизни месте). Благожелательный Иан-1 предусмотрел даже такую «мелочь», как файл с физическими параметрами среды обитания Деева. Никлас ознакомился с ним и выяснил, что перестройка организма потребует совсем незначительная. Нужно будет всего лишь замедлить метаболизм, чтобы стерпеть почти полное отсутствие азота и водяного пара в атмосфере дома. Да, и еще понизить кровяное давление, чтобы сосуды не лопнули – в общем, ничего серьезного.

Он загрузил параметры в систему биоконтроля, скоман-

довав своим нанороботам перестроить клетки и внутренние органы. Вскоре от «избытка» газа в доме у него стала кружиться голова. Торчать перед дыроколом смысла больше не было, Никлас брезгливо вытолкнул из легких воздух, внешне ставший чужим, и сжался в сингулярность.

– Хозяин Леонид! – обрадовался кто-то у него за спиной. – Нет?

Историк медленно обернулся, нимало не боясь того, что увидит за спиной. И как можно было принять Никласа за долговязого Деева? Чуть ли не вплотную к ячейке с белой дырой, из которой вышел гость, стоял стандартный энтроп модели «Хаос», отчего-то лишенный деструктора. Никлас попытался оживить в памяти запись Геммы, но на ней, кажется, конечности «Хаоса» не просматривались. Массивное туловище биоформы разочарованно обмякло, а Никлас с некоторым облегчением осмотрелся. Транспортный блок дома выглядел вполне благополучно, даже ухоженно – приемная и передающие камеры блестели, словно начищенные, в мягком рассеянном свете, повсюду упорядоченно змеились пучки волноводов.

– Мне бы с Леонидом-1 повидаться, – сказал он.

– Ошибка, мастер. Вас проводить в его рабочий кабинет? Будете ожидать прибытия? – Энтроп шагнул в сторону, и историк увидел, что «Хаос» держит двумя пальцами упаковку с антинейтронами.

– Проводи. А что, оплата из Энергетической Комиссии не

прекращается?

– Исследования не останавливаются ни на секунду, – гордо ответил «Хаос». – Ведь я назначен главным астрономом этой галактики и владею методикой сбора информации.

Они вышли в коридор, опоясывающий дом по периметру. От него, впрочем, ответвлялись и «внешние» ходы, однако вели они, скорее всего, к системам жизнеобеспечения, телескопу, рудному штреку, генератору электрической энергии и прочим вечным спутникам жилого сектора дома. Интересно, что Деев объединил нужные ему помещения в единый комплекс – судя по схеме строения, которую Никлас вызвал на сетчатку глаза из открытой части хозяйского компьютера. Удобная штука, ведь без нее автоматический инспектор не сможет обследовать дом. Воспользовался сервисом и Никлас. Действительно, автоматика не видела хозяина дома – значит, его тут и не было.

– Минутку, – выступил энтроп и свернул на склад. Гость не отстал от него ни на шаг и последовал в заглубленную комнату без единого обзорного экрана на стене. – Нужно содержать источники энергии в порядке...

– Святой Чандрасекар! – не сдержался историк.

Стеллажи были буквально забиты капсулами с АМ, на первый взгляд тут хранилось не меньше ста граммов – настоящее богатство. Индикаторы на ближайших мерцали бледно-зеленым светом, свидетельствуя о полной загрузке упаковок антинейтронами.

– Да, энергия – основа нормального функционирования жилища, гость хозяина.

– Зови меня Никласом-9. А что, разве Леонид потребляет настолько мало АМ, что у него образуются излишки?

– Нам не нужна антиматерия от Правительства! – самодовольно заявил энтроп. – Мой хозяин умеет производить ее сам в любом количестве, Никлас-9.

– Ну и ну, – в полной растерянности протянул гость.

Еще раз, будто не веря в исправность глазных нервов, как выражались предки, он взгляделся в идеально ровные ряды черных, запаянных капсул с АМ. Пройдя вдоль стеллажа, он нагнулся и снял с нижней полки одну из пыльных упаковок. Индикатор на ней едва мерцал. Значит, ее возраст никак не меньше пятисот лет, и антинейтроны из нее большей частью испарились, постепенно просачиваясь через седьмое измерение в случайную точку Вселенной. Из исходного микрограмма осталась едва ли тысячная часть.

– Глупо рассеивать энергию в космосе, дружок, – заметил Никлас. Он еще ни разу не видел, чтобы АМ настолько бездарно валялась на складе, без всякого применения. Могли бы, в конце концов, подкармливать свое умирающее солнце (пусть это для него и «молекула в атмосфере», как говорится)! И тут же фраза энтропа о «любом количестве» вернулась в сознание, словно комета к звезде, движущаяся по вытянутой орбите. – Значит, вы тут совсем независимые? И давно?

– Уже девятьсот тридцать шесть суток и два часа, гость

хозяйина Никлас-9.

Историк впал в сильнейшее недоумение и даже растерянность, поскольку ему еще никогда не приходилось слышать об одиночках, получивших антинейтроны в заметном количестве. Закавыка тут была даже не в том, чтобы просто породить их путем столкновения элементарных частиц в ускорителе, а сохранить в пятом и шестом измерениях, не дав испариться через седьмое. Для производства капсул с АМ требовались сложные промышленные установки и множество постоянно действующих, специальным образом расположенных черных дыр, а весь этот набор имелся только у Энергетической Комиссии, в недрах единственной планеты-гиганта в Центре. Неудивительно, что Никласу показалось, будто он теряет связи между нейронами мозга.

– Постой-ка! – осенило его. – Да ведь вы перешли на другие источники энергии! Термоядерную, солнечную, термальную... Верно? Искусственного протонного распада, наконец. Для тебя любые бытовые источники энергии работают на антиматерии, так ведь?

– Не понимаю, о чем вы, сударь.

– Ладно, веди меня в кабинет Леонида-1, – махнул конечностью историк, торопясь избавиться от кратковременного мысленного ступора. Как он мог только вообразить, что Деев получает АМ самостоятельно? – Что еще за «сударь», порази тебя Бруно?

Общительный энтроп хотел было пуститься в объяснения,

но они проходили мимо прозрачной стены лаборатории, и Никлас решительным движением руки остановил биоформу. Он уже вполне освоился в незнакомом доме и понял, что хозяин его не старался развить в своих помощниках подозрительность и другие «охранные» качества. Конечно, система управления наверняка ведет запись посещения, но историк не собирался вытворять ничего противозаконного – скажем, взламывать запертые двери или учинять обыск.

Центральное место в лаборатории, имевшей в целом обычный вид, занимала крупная, явно сдвоенная транспортная камера. По углам воображаемого куба, в центре которого она располагалась, висели на силовых тросах изолированные от обычного пространства черные микродыры в промышленной оболочке, с клеймами Энергетической Комиссии. От дыр тянулись закрученные в спирали гравитационные кабели, сходящиеся в торцах камеры. То есть там, где требовались всего два источника гравитации, Леонид-1 соорудил целых восемь! «Так вот о чем он толковал Жану-6», – подумал Никлас и медленно обошел сооружение по периметру, пытаясь сквозь дымчатую защиту разглядеть подробности конструкции. Впрочем, специалистом по переброске материи он не был, и нюансы расположения деталей ни о чем ему не сказали. Не зная Никлас об интересе Деева к дыркоколам вообще, он бы и не обратил внимания на этот странный аппарат.

– А что, часто хозяин использовал это устройство? – спро-

сил историк.

– Постоянно!

– Зачем? Насколько я понял, для путешествий по обитаемым галактикам он не годится, нет разрешения.

Энтроп загадочно осклабился, приведя лицевые мышцы в невообразимое сочетание, и поднял пустую руку, в которой когда-то красовался деструктор, а сейчас виднелась электронная плата с магниточипами.

– Как безумный астроном с трубою,
Изучаю солнце я живое.
В звездном атласе его вы не найдете,
Разве если случай улыбнется —
Как комета, мимо вы пройдете:
Только гравитонами коснется.

«Хаос» умолк и уставился на гостя, впавшего в недоумение. Этот дом решительно подкидывал Никласу загадки одну за другой – еще и энтроп, заговоривший стихами! У него что, чипы перегрелись?

– Вам понравилось мое поэтическое произведение? – спросил «Хаос».

– Гм... И что за «живое» солнце ты имел ввиду? Это образ такой? – Все-таки биоформы пока оставались единственным источником информации, просто отмахнуться от одной из них – где, кстати, неэнтроп? – было бы глупо. А «Хаос» к тому же, несмотря на видимую тупость, говорил уж слиш-

ком искреннее и наверняка вложил в свое творение некий, хотя и неясный историку смысл.

– Да, так я назвал квазар, ближайший к нашей галактике. Он живой, потому что очень яркий, и его часто рассматривал в телескопы хозяин, что-то вычислял. А наше солнце какое-то слабое, сударь... У меня и продолжение готово.

Как суровый астроном, с трубою,
Я к нему свирепо устремляюсь,
И восторг познания отведав,
От безумных истин отрекаюсь!

– Где ты таких слов нахватался? – поморщился Никлас. Стихи энтропа показались ему довольно бестолковыми, лишёнными содержания. – Ладно, пойдем отсюда.

Кабинет хозяина находился неподалеку, за плавным поворотом коридора. Над дверью светила хемилюминесцентная лампа, а под ней стоял «Нептун», так что свет отражался от его полированной макушки. Негэнтроп был мрачен и с подозрением тарасился на Никласа всеми тремя зелеными глазами.

– У нас в гостях друг хозяина Леонида, – радостно сообщил «Хаос». – Возликуем же, коллега.

– Человек? – как бы себе под нос пробормотал негэнтроп и повел головой по сторонам. Ноздри его раздувались, словно он чуял нечто, недоступное нормальному обонянию, антенна в его ухе нервно подрагивала. – Что-то неладное тво-

рится с пространством, друг шефа... Нет былой стабильности в этом мире, как нет с нами и хозяина. Можем ли мы полезными быть? – «Нептун» отступил в кабинет, распахивая дверь, и еще раз огляделся в напряжении.

«Да у него нейроны с кремнием перепутались, – решил Никлас и вошел вслед за биоформой. – Очевидно, долгое пребывание в одиночестве, без всяких инструкций, пагубно влияет на них обоих. И этот тоже загадками выражается».

– Да, можете, – сказал он. – В чем проявляется «неладное»?

– Слов для этого нет у меня, – нахмурился «Нептун». – Подозреваю я нестабильность в себе самом, но что-то противоречит этому, а что?.. Неведомо мне, друг хозяина, не могу показать я пальцем на тревожное явление.

Голос негэнтропа был настолько мрачен, полон низких вибрирующих интонаций, что историк против воли вздрогнул и поспешно вызвал на сетчатку карту дома. Все было тихо, ни единого постороннего импульса не бродило в нем, не тревожило его внутренние схемы управления. Только на самом краю поля зрения мелькнуло внезапно гравитационное возмущение, где-то на одном из удаленных складов с металлами, но через миллисекунду пропало. Никлас поспешно навел фокус на подозрительную точку, однако уже через минуту был вынужден стереть схему. «Показалось, – облегченно вздохнул он. – Проклятый „Нептун“ расшатывает мою нервную систему, а товарища так уже совсем доконал».

– Но ходить коридорами страшно мне, – сказал негэнтроп. – Где хозяин Леонид-1, поведайте нам.

– С вашей помощью, друзья мои, мы это непременно узнаем, – заверил обеих биоформ Никлас и обратил наконец внимание на обстановку кабинета.

Ему здесь не понравилось: в каждом приборе, будь то банальный туннель-спектрометр или какой-нибудь нейтринный микроскоп, сквозила предельная функциональность. Ни тебе веселой голограммы на стене, ни бодрящего гамма-излучения, ни горшочка с растительной формой жизни («кактусом», по выражению древних)... Как будто хозяин занимался здесь только тем, что проводил измерения, фильтровал отчеты для Гелиодезической Комиссии, изучал научные альманахи (вон они горкой лежат, диски с «Вестником единой Вселенной») или составлял планы исследований. Отдельный масштабный экран, судя по всему, был соединен с видеоканалами от телескопов и зондов, потому что на нем стоял знакомый Никласу логотип гелиодезистов в форме легендарного космического тела, впервые запущенного человеком в космос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.